

СВОБОДА ВЫБОРА: ВОЗМОЖНОСТИ И ГРАНИЦЫ

Пилипишин Д.В.

Москва - 2001

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

АБСОЛЮТНАЯ СВОБОДА: ЛОЗУНГИ И РЕАЛИИ

ИССЛЕДОВАНИЕ СВОБОДЫ

Действие и выбор

Желание

Материализм и свобода

Дань материальному

АНАМНЕЗ СВОБОДЫ

Степени свободы: объективные и субъективные пределы

Свобода как беспричинность - апофеоз экзистенциального абсурда

Личность как часть культуры

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ЛИТЕРАТУРА

ВВЕДЕНИЕ

Вообще-то, правильнее было бы поставить вопрос так: обладает ли человек свободной волей? Но само понятие воли неоднозначно, зависит от исходных предпосылок, разные мыслители по разному трактуют ее природу. Кроме того, понятие воли имеет богатую историю. Так, "Сократ сравнивал волю с направлением (в смысле действия) полета стрелы, понимая под этим неоспоримый факт, что стреле все равно суждено сорваться с тетивы, но воля позволяет ей это сделать лишь тогда, когда верно выбрана цель. Философы школы Платона определяли волю как "целеустремленность, соединенную с правильным рассуждением; благоразумное стремление; разумное естественное стремление". Зенон противопоставлял волю желанию. Греческие философы приписывали воле в основном сдерживающую роль. В их понимании воля выполняла скорее роль внутренней цензуры, чем являлась творческим агентом". Сегодня "в рамках физиологии и психиатрии воля рассматривается как психический процесс, заключающийся в способности к активной планомерной деятельности, направленной на удовлетворение потребностей человека" [10]. Возможны и другие, отличающиеся от приведенных понимания и определения воли. То есть, сказав "свобода воли" мы были бы вынуждены зафиксировать наше понимание воли, без чего не было бы возможно грамотное осмысление проблемы. Результатом могли бы стать прения и разночтения, возникшие ранее, чем мы приблизились бы к действительно существенному. Во избежание этого, мы несколько сузили вопрос, сохранив при этом общий вектор исследования.

Необходимость же обсуждения этого вопроса обусловлена следующим. Если мы стремимся к максимально возможной степени самоидентификации, самоопределения в собственной жизни, претендуем на роль зрелой личности, способной самостоятельно ответствовать перед Господом за собственные деяния, то неизбежно задумаемся, каковы наши возможности на этом поприще. Ведь ни самоопределение (определение себя), ни самоидентификация (признание себя как

соответствующего каком-то классу, образцу) невозможно без свободы выбора, не говоря уже об ответственности, идея которой совершенно девальвируется в отсутствие свободы. Поэтому, в данном контексте наша цель - определить насколько же мы свободны и насколько ограничены, соответствуют ли наши притязания реалиям? Забегая вперед, скажем, что это сложнее, чем представляется на первый взгляд.

Рассуждения о свободе выбора предварим указанием места и назначения нашего исследования. Для этого сгруппируем людей по их отношению к проблеме свободы. В первом, грубом приближении, можно выделить следующие четыре уровня.

1. Люди, благополучно избежавшие жажды осмысления, понимания мира. Они никогда не задумывались над вопросом о свободе, равно как и над другими. Полагаем, указанная жажда минует их и в дальнейшем. Среди прочитанной ими литературы (если таковая обнаружится) вряд ли можно найти что либо, кроме детективов и пошлых романов.

2. Люди, имеющие определенное образование (например, техническое), располагающие достаточно устойчивой картиной мира, в которой они вполне уверены. Именно вследствие такой прочности и уверенности (а не из-за интеллектуальной и духовной инфантильности, как в п.1) они не склонны обсуждать философскую проблематику, неизбежно раскачивающую любую индивидуальную мировоззренческую систему. Среди характерных черт отметим невысокую логическую культуру, преимущественную апелляцию к убеждениям, а не к рационально обоснованным положениям.

3. Люди, воспринимающие мир с живостью и удивлением. Их интересы простираются далеко за рамки обыденной необходимости и развлекательной праздности. Снимая различия в образовании и социальном положении, направленность на самопознание, самосовершенствование, понимание мира и цивилизованное утверждение себя в нем цементирует их духовное единство. Для некоторых из них вопрос о свободе воли животрепещущ и актуален.

4. Люди, являющиеся профессионалами в проблематике свободы воли, выбора и т.п. (Философы например). Знания их глубоки, весомы и сложны, что часто делает невозможным их широкое распространение. "Наука недоступна непосвященным" - д.ф.н., проф. Ильин В.В.

Настоящая работа адресована третьему уровню. В отношении остальных двух (2 и 4) выскажем комментарии, а №1 оставим без внимания, как не имеющий отношения к интеллектуальному исследованию.

В отличие от людей первого уровня, не имеющих своего мнения по вопросам, не связанным с удовлетворением естественных потребностей, люди второго его, как правило, имеют. Однако мнение это чаще всего представлено как квинтэссенция практического опыта, лишено сколь-нибудь серьезного, рационального обоснования. Сопутствует тому достаточно высокомерное и агрессивное отношение к любому, кто силой своего разума способен поставить под сомнение их убеждение. Вот примеры. Олвин Плантинга: "Для меня это /свобода выбора - Д.П./ одно из естественных человеческих убеждений, наряду с естественными убеждениями в существовании других людей, в существовании внешнего мира и так далее". "Утверждение будто мои поступки являются либо детерминированными, либо случайными совершенно *нелепо* /курсив мой - Д.П./" [3,125,127]. Ральф Макинерни: "Комично, когда кто-то вытягивает шею и вопит: "Я считаю, что свобода воли - это иллюзия!". Это одинокий голос в толпе людей, которые прекрасно знают что к чему. Не могу понять, почему мы должны обращать внимание на подобные выкрики, будто они имеют какое-то значение..." [3,133]. Для таких наше изложение не предназначено. Убеждения не предмет нашего анализа. Нам интересны рационально обоснованные, осмысленные аргументы. Носители же убеждений не имеют возможности изложить разумное оправдание своей позиции. Истеричные выкрики "Я прав, я прав, я знаю, что я прав!!!"

являются обычным их аргументом. Следующим этапом "обоснования" является удар противника в рыло. Да и читателю, полагаю, не интересно выслушивать безапелляционные утверждения - ведь достойный стремится осознать и понять самостоятельно, а не впитывать чужие догмы. Здесь остается лишь добавить эмоциональное замечание. Ральф Макинерни - профессор истории средневековья, а Олвин Плантинга - профессор философии Нотр-Дамского университета. Странно слышать от них ответы, философская культура которых находится на уровне старшего дворника. Возможно, они считают своих читателей быдлом.

Что касается четвертого уровня, то именно опираясь на него образованный читатель может спросить: - Зачем мы собираемся вновь анализировать проблему свободы? - ведь на протяжении истории существовало множество людей, задававшихся этим вопросом, порой посвятивших поиску ответа на него не только досуг, но и всю жизнь. Среди них немало достойных, чья деятельность была плодотворна. Есть такие и сейчас. И в конечном итоге мы имеем столь богатый материал, что привнести что то новое затруднительно даже в рамках специального исследования, не говоря уж о поверхностных популярно-философских рассуждениях. - Затем, отвечу я, что не смотря на колоссальное наследие, современники, порой поступают так, как будто этого наследия нет. И сегодняшний неопит, добывая крупинки знания, часто разрозненные, нередко отождествляет их со всем знанием в целом, полагая, что ему удалось разжиться истиной. Поэтому, не претендуя на фундаментальное, научно-философское исследование проблемы свободы человека, я хочу показать ее многомерность, глубину и неоднозначность. При этом историческая реконструкция указанного проблемного поля для меня не столь важна - представление о ней можно составить исходя из соответствующей специальной литературы.

АБСОЛЮТНАЯ СВОБОДА: ЛОЗУНГИ И РЕАЛИИ.

В последнее время в кругах, далеких от академических, популярно следующее толкование свободы: человек все в своей жизни выбирает сам - как поступать, как и на что реагировать и т.п. Любая жизненная коллизия является результатом его выбора, откуда закономерно вытекает вся полнота ответственности. Такая позиция, неявно опирающаяся на философию экзистенциализма, (что для ее носителей известно далеко не всегда), в сфере ненаучных исследований представлена работами С.Н. Лазарева, Н.И. Козлова, Эрнста Цветкова, Ричарда Баха, Карлоса Кастанеды и др.

Для ясности приведем в качестве примера мысли одного из апологетов указанного подхода. Не умаляя значимость остальных, остановим выбор на Ричарде Бахе, поскольку чистота, доброта и искренность его произведений доставляют наибольшее эстетическое наслаждение. Вот несколько цитат из его повести "Иллюзии", в которых идеи излагаются устами Дональда Шимоды - современного мессии, Иисуса двадцатого столетия.

Мы все свободны делать все, что нам хочется... ..Разве это не просто, и не ясно, и не очевидно? Не великий ли это путь к управлению Вселенной?

...МЫ САМИ ВЫБИРАЕМ, ПРИЧИНЯТЬ НАМ ВРЕД ИЛИ НЕТ. Мы - вот кто решает. Никто другой. Мой вампир сказал тебе, что ему будет причинен вред, если ты не позволишь /выпить своей крови - прим. Д.П./. Это его решение, чтобы ему причинили вред, его выбор. То, что ты с этим делаешь, - это твое решение, твой выбор: дать ему крови или отвергнуть его; связаться с ним или всадить ему осиновый кол в сердце. Если ему не хочется получить осиновый кол в сердце, он свободен противостоять тебе любым образом, каким ему захочется. И так далее, и так далее, выбор, выбор.

- Если смотреть на вещи таким образом...

- Послушай, - сказал он, - это очень важно. МЫ. ВСЕ. СВОБОДНЫ. ДЕЛАТЬ. ВСЕ. ЧТО. МЫ. ХОТИМ. ДЕЛАТЬ" [2;111-115].

Нечто подобное по своему духу высказывали и другие. Однако, какова область применения таких высказываний? Каков их реальный вес? Имеют ли они отношение к сущему, или же принадлежат области долженствования? Имеется ввиду следующее: если мы говорим о сущем, т.е. о том, что реально имеет место быть, то наше высказывание является в той или иной степени описанием реальности, а следовательно, подпадает под критерии истинности/ложности. Если же высказывание относится к сфере "должного", то оно находится в епархии этических стандартов (Известно, что этика как раз и занимается изучением не сущего, а должного, и отвечает на вопрос не как и что есть, а как и что должно быть). В этом случае, оценка его на предмет истинности невозможна, так как оно не является описанием. Например, "высказывание "Вода кипит" истинно, если вода действительно кипит; команда же "Вскипятите воду!" может быть целесообразной, но не имеет отношения к истине" [5;184]. Аналогично и в нашем случае: призыв к свободе "от всего" имеет право на жизнь, как и любой другой ("Вперед к победе коммунизма!"). Иное, когда мы имеем дело не с призывом, а с утверждением, претендующим на ЗНАНИЕ, открываемое нам мудрыми авторами с пожелтевших страниц.

Справедливости ради нужно отметить, что вдохновляющая, "духоподъемная" сила высказываний, аналогичных цитируемым, нередко весьма высока. Бывало, что ознакомившийся с ними человек решался на свершения, заканчивавшиеся его бенефисом. Не получи он в свое время такую информацию, вряд ли бы произошли последующие события. Тем самым подтверждается способность таких тезисов играть позитивную роль. Но это опять таки не имеет никакого отношения к их истинности или ложности.

Собственно, если бы дело ограничивалось только формулировкой лозунга или сподвижением к поступкам, не было бы и предпосылок к формированию проблемы. Проблема возникает тогда, когда окрыленный успехом неопит возносит утилитарно полезную вещь на мировоззренческий уровень, конкретнее, когда на приведенных выше тезисах об абсолютно свободном выборе он начинает выстраивать собственную онтологию (теорию бытия), оправдывать и объяснять мир, отождествляя получаемые в процессе размышлений идеи о мире с действительным знанием о нем. Здесь возможен сбой, если то, что представляется полезным на практике одновременно не является истинным.

Поясним сказанное: не нужно ходить далеко за примерами, когда ложные утверждения эффективны - начиная от больного, которому дают аскорбиновую кислоту, называя ее лекарством, и он выздоравливает, и заканчивая ребенком, который боится газовой плиты, потому что там живет чертик, и хорошо засыпает вечером, поскольку Хрюша и Степашка тоже пошли спать. Если говорить серьезнее, то можно обратиться к идее так называемого "решающего эксперимента", некогда бытовавшей в науке. Суть ее, вкратце, такова: чтобы выбрать из нескольких научных теорий истинную, нужно провести эксперимент, который и покажет, какая же из теорий подтверждается. Впоследствии, обнаружилась наивность этого тезиса, когда оказалось, что эксперимент с успехом может подтверждать различные теории, причем иногда совершенно противоречащие друг другу. (подробнее см. №7 - Теорию познания, Эпистемологию В.В. Ильина, или другую специальную литературу).

Что же касается нашей ситуации, то представляется верным следующее. Совершенно недопустимо в основу личностного понимания мира закладывать идеи, прельстившие нас только лишь эффективностью своего практического применения, и не прошедшие должной интеллектуально-теоретической проверки. В противном случае мировоззрение человека будет представлять собой нагромождение лживых химер, хитросплетения которых не оставляют простора для ясного сознания, и что хуже, все это сооружение готово в критической ситуации обрушиться, придавив собой автора. Такой финал возможен вследствие противоречивости системы, и отчасти является ее (противоречивости) доказательством. В самом деле, возвращаясь

к примеру с ребенком, нельзя же право строить картину мира исходя из кухонных дьяволов и косорылых свиней из вечерних сказок! Это очевидно, а вот то, что порой некритическое и неосмысленное принятие чужих утверждений по своему действию аналогично образу Сатаны или Хрюши, очевидно уже не всем.

Таким образом, после краткого предварительного анализа имеем следующее:

1) Есть произносимые с пафосом утверждения о возможности осуществления человеком абсолютно свободного выбора.

2) Эти утверждения могут играть роль лозунгов, призывающих к определенному образу жизни - в этом случае нельзя ставить вопрос об их истинности или ложности.

3) Кроме того, они могут выступать в качестве вдохновляющей силы человека, сообщая ему духовный импульс, сила которого совершенно не зависит от того, верны ли они.

4) Также, утверждения о возможности абсолютно свободного выбора могут претендовать на знание о реальности, на открытие нового закона - что такой выбор возможен.

5) Совершенно недопустимо вписывать в личное мировоззрение какую-либо идею, не осознав ее в полной мере и не подвергнув критическому анализу, будь она хоть трижды эффективна.

С учетом этих промежуточных выводов будет закономерен шаг, в котором и произойдет указанный критический анализ. Но прежде, чем решать, возможна ли, и если да, то насколько, свобода выбора, следует уяснить, что же мы имеем ввиду под этой формулировкой.

ИССЛЕДОВАНИЕ СВОБОДЫ

Действие и выбор.

Здесь необходимо отдать должное основателю баденской школы неокантианства Вильгельму Виндельбанду, который полагал, что вопрос о свободе воли распадается на три особых вопроса: "о свободе хотения, выбора и действия". [4;19]. Несколько перефразируя достойного философа, согласимся, что и говоря в наших терминах, свобода выбора предполагает выбор действия, которое хотят совершить, саму возможность осуществления выбора, и, самое сложное, выбор того, чего мы хотим пожелать. Поясним последовательно каждый из отмеченных аспектов.

Выбор действия. Наиболее простой и понятный момент. Даже для человека, никогда не блиставшего интеллектуальной мощью, ясно: в своей жизни мы постоянно выбираем, какое действие в данный момент совершить, и при этом, столь же постоянно, сталкиваемся с неизбежными ограничениями окружающей среды. Под последней здесь подразумевается чисто физическая реальность, о влиянии социального пространства мы поговорим позднее. На уровне принципиального очевидно: ни о какой абсолютной свободе в плане совершения действий не может быть и речи. Хотя возможности каждого различны (например, один, занесенный в книгу рекордов Гиннеса, без труда перекусывает зубами металлический кабель в палец толщиной, но большинство из нас сделать этого не сможет даже постаравшись), все мы находимся под гнетом материальной данности, сбросить который не в силах. Наше действие всегда детерминировано текущей ситуацией, и даже вооруженный самой современной техникой человек безмерно слаб по сравнению с миром.

Свобода выбора. Имеется ввиду следующее: насколько осуществляемый нами выбор является свободным? Какие здесь нюансы? Отметим две стоящие мысли В.Виндельбанда. Во-первых, полагал он, свобода выбора вовсе не зависит от свободы действия. Действительно, парализованный человек, будучи не в силах совершить и элементарного движения, в то же время, вполне в состоянии выбрать, что бы он хотел сделать - наполнить стакан коньяком,

например, или другое. Сделать выбор он в состоянии, но невозможно исполнить задуманное. Так же и мы вольны совершить выбор в пользу перекусывания толстого металлического кабеля (см. выше), и сама возможность выбора не будет зависеть от материальной возможности/невозможности удачного воплощения наших чаяний. Во-вторых, именно ограниченность нашего потенциала по изменению реальности и является первопричиной самой возможности выбора, создает те начальные условия, которые позволяют ставить такую проблему. Поясним. Проблема выбора как таковая возникает лишь тогда, когда человек желает нескольких различных вещей (действий), получить (осуществить) которые он никак не может одновременно. Иными словами, свобода выбора проистекает из ограниченности свободы действия. В ситуации тотальной реализуемости любого потенциального одновременно, выбор не проблематизируется, предпосылок к его осуществлению не возникает. Например, если некто хочет курить и одновременно пить кофе, и у него есть такая возможность, то без сомнения, он получит и то и другое минуя ситуацию выбора. Иначе, если кто-то желает поехать в отпуск на машине и в то же время, не прочь воспользоваться самолетом. Или, ситуация проще, обедая в столовой, человеку хочется взять порцию баранины и рыбное блюдо. Однако, съесть их оба ему не под силу даже потея. Здесь актуализируется выбор, поскольку приходится на чем то останавливаться.

Теперь, когда с выбором мы в общих чертах определились, проанализируем, насколько он свободен и что его ограничивает. При этом, отдавая должное миру частных случаев, сосредоточимся тем не менее, на возможно более объективных, фундаментальных аспектах, акцентируем внимание на главном.

Сколь бы ни кричали мыслители экзистенциального толка о свободе нашего выбора, о том, что он определяется исключительно нами, констатируем неопровержимое: в первую очередь выбор определяется нашей ситуацией. Именно она предоставляет возможные варианты, устанавливает казуистику, обуславливает узость или широту выбора. Например, тому плененному герцогу, "которому было предоставлено на выбор, желает ли он, чтоб его утопили в мальвазии или же в хересе" [4,74] по всей видимости, не приглянулись бы их пафосные рассуждения. Или, в одной юмористической книжке, на первой странице было написано: "Что вы смотрите?! Либо берите, либо положите на место, либо одно из восемнадцати!". Или, в карточной игре, корифей, объясняя правила вновь посвященному, так ответил на вопрос, сколько карт тот может заменить по достижении своего хода: "Сколько душе угодно - можешь одну, можешь две!".

То же в жизни. Выбирать "из восемнадцати" мы может лишь тогда, когда судьба подбросила нам эти восемнадцать вариантов. В противном случае мы свободно выбираем "одну или две".

Однако, последний момент нередко вызывает возражения со стороны энтузиастов творческого подхода к жизни. Как правило они утверждают, что рассуждая всего о нескольких возможностях поступка, мы "пудрим им мозги", поскольку в реальности вариантов гораздо больше. В этом свете приведенные примеры отнюдь не исчерпывающе описывают наличествующие варианты развертывания событий. Якобы, возможны и иные поступки. Отсюда иногда делается поверхностный вывод, что на самом деле ситуация не определяет потенциальные шаги. Учитывая осмысленность и популярность этого возражения, потратим место для развернутого ответа на него, оттолкнувшись от примера с юмористической книгой.

Действительно, вариантов не два, а более. Можно книгу украсть, можно бросить, ударить кого-либо ей по голове (или не по голове), можно порвать, уронить, с возмущенным клокотанием в глотке втоптать в грязь и т.п. Не будем считать до 18. Отметим существенные моменты. Их два. Первое: несомненно, что при любых обстоятельствах есть такие варианты действий, которые неосуществимы. В данном случае, например, не удастся съесть книгу - разом проглотить нельзя из-за больших размеров, глотать частями разжевывая не позволит продавец, который, без сомнения, попытается этому воспрепятствовать, грязно матерясь. Второе: на первый взгляд не

ясно, реально ли пересчитать все возможные альтернативы действия с книгой. Начатый нами список мы способны продолжать долго - можно подбросить книгу вверх, запустить как "летающую тарелку", засунуть, извините, в штаны и т.д. Фиксация предела предполагает выдвижение критерия диверсификации, конституирующего факты. То есть, говоря проще (но длиннее), необходим критерий, устанавливающий необходимую и достаточную степень детализации, и тем самым позволяющий отделять одно событие от другого, наделять действие статусом существования. В зависимости от того, каков он, изменяется и количество событий, актуализация которых признается возможным. Для тех, кто слабоват в абстракциях, изложу пояснение. Возьмем как вариант возможного действия удар книгой. Если детализация равна нулю, возможно только одно событие - непосредственно удар. Введем первый уровень детализации - вопрос, на кого обрушится наша свирепость. Теперь число возможных событий расширилось - ведь мы можем треснуть книгой по голове продавца (1), другого покупателя (2), прохожего (3), нашего товарища (4) и т.д. Каждый из них может быть либо мужчиной, либо женщиной. Соответственно, уже может реализоваться не один вариант, а несколько. Усиливая детализацию, приумножим события. Придадим значение не только кого ударили, но и как ударили. Ведь книгой можно двинуть по башке (сверху) (1), дать в ухо сбоку (2), швырнуть в лицо (3), ударить снизу по челюсти (4), торцом рубануть по носу (5) и т.п. Количество потенциальных событий лавинообразно нарастает. Ведь даже после двух этапов детализации мы имеем $4 \times 5 \times 2 = 40$ вариантов возможных событий. Они складываются из 4 вариаций первой детализации, 4-х - второй и коэффициент 2 отражает деление полов (поскольку обе детализации применимы как к мужчине, так и к женщине).

Для того, чтобы обрести независимость от конкретики, уловив общую закономерность, сделаем нехитрые математические вычисления. Для этого введем условные обозначения. Количество детализаций обозначим буквой n , количество вариаций в детализации - буквой x . Общее число возможных вариантов примем Q . Соответственно, изменения числа детализаций, вариаций и возможных вариантов - dn , dx и dQ . Тогда число возможных вариантов действий вычисляется по формуле:

$$2^{x_1} \cdot x_2 \cdot \dots \cdot x_n = Q \quad (f 1)$$

Подставляя в нее значения, получаем результат (смотри как пример вышеприведенный расчет).

Для анализа влияния изменений числа детализаций и количества вариаций в детализации на число возможных поступков, из которых мы будем выбирать, инкорпорируем эти параметры в полученное выражение. Тогда формула (f 1) приобретает вид:

$$2^{(x_1 + dx_1)} \cdot (x_2 + dx_2) \cdot \dots \cdot (x_n + dx_n) \cdot \dots \cdot (x_{n+dn} + dx_{n+dn}) = Q + dQ \quad (f 2)$$

С целью упрощения выражения (f 2), сделаем допущение, что число вариаций, содержащихся в детализации, однопорядково, признав тем самым детализации количественно эквивалентными. С учетом этого формула (f 2) приобретает вид.

$$2^{(x + dx)^{(n + dn)}} = Q + dQ \quad (f 3)$$

$$dQ = (2^{(x + dx)^{(n + dn)}} - Q) \quad (f 4)$$

Теперь, используя формулы (f 3) и (f 4) покажем, каким может быть количество возможных событий в случае, когда вы берете посмотреть юмористическую книгу с лотка уличного торговца, на которой написано: "Что вы смотрите? Либо берите, либо положите на место, либо одно из восемнадцати!". Для иллюстрации выберем следующие исходные данные:

Вариант 1: количество детализаций составляет 5 (например: что сделать /ударить/, как это сделать /как ударить/, в отношении кого это сделать /кого именно ударить/, с какой эффективностью это сделать /как сильно ударить/, куда будет направлено действие /в какую часть тела ударить/); количество вариаций в каждой детализации - 15.

Вариант 2: наоборот - количество детализаций составляет 15, вариаций в детализациях по 5. Результаты вычислений приведены в нижеследующей таблице:

	Начальные условия (dx = 0; dn = 0)	Добавим одну вариацию в каждую детализацию (dx = 1; dn = 0)	Добавим одну детализацию, сохранив исходное число вариаций (dx = 0; dn = 1)	Добавим одну детализацию и одну вариацию (dx = 1; dn = 1)
Вариант 1.				
Q	1 518 750	2 097 152	22 781 250	33 554 432
dQ	0	578 402	21 262 500	32 035 682
Q + dQ	1 518 750	2 675 555	44 043 751	65 590 116
Вариант 2.				
Q	61 035 156 250	940 369 969 152	305 175 781 250	5 642 219 814 912
dQ	0	879 334 812 902	244 140 625 000	5 581 184 658 662
Q + dQ	61 035 156 250	1 819 704 782 056	549 316 406 252	11 223 404 473 576

Признаться, не слабо! Начиная с одного миллиона пятисот восемнадцати тысяч семисот пятидесяти (1 518 750) в исходном случае первого варианта и заканчивая одиннадцатью триллионами двести двадцать тремя миллиардами четырехсот четырьмя миллионами четыреста семьдесятю тремя тысячами пятисот семьдесятю шестью (11 223 404 473 576) в последнем случае последнего варианта. Вот вам и одно из восемнадцати!

Приведенные рассуждения позволяют заключить, что теоретически, по видимому, количество возможных вариантов в той или иной ситуации почти безгранично. Неизвестно, поддаются ли они исчислению. Но с нашей точки зрения, такие результаты не усиливают позицию, утверждающую что из бесконечности возможностей следует бесконечность свободы. Даже на уровне простого здравого смысла, не прибегая к глубоким умствованиям, ясно, что столь большое число вариантов поступков само по себе не эвристично и не плодотворно. нас интересуют лишь те поступки, которые способствуют достижению наших целей, не препятствуя при этом рациональному вершению бытия. Это и будет критерием диверсификации, отсекающим все ненужное, вредящее и опасное. Если не так, то тогда увидев непотребные сцены (взяв книгу некто стал с рычанием рвать ее зубами или, встав на четвереньки, обнюхивать, похрюкивая), мы будем вынуждены признать их гордым проявлением свободы человеческой личности, а вовсе не сумасбродством.

Кроме того, отметим и еще одну деталь. Все посчитанные миллиарды событий все равно определяются содержанием ситуации. Так, например, удар книгой ситуация предполагает, а удар самоваром - вовсе нет, он невозможен.

Так что взяв книгу у торговца, либо купите ее, либо положите обратно, другого не дано, возможности вашего выбора расписаны вашей ситуацией.

Но и здесь есть свои подводные камни. Если оставить наконец этот пример, и рассуждать в

общем, то будет справедливо, что потенциальные возможности, выбор которых мы осуществляем, по сути - для нас - всего лишь представления, наши представления о том или ином варианте. Как следствие, эти представления могут быть неточны, неполны, ошибочны, вредны и т.п. Даже если они полезны, непоколебим тезис: в некоторых случаях границы свободы нашего выбора являются границами нашего знания. Кстати, нередко мы вообще можем не иметь какого-то представления - в силу отсутствия информации. Тогда выбор соответствующей возможности не будет реализован. Это существенное ограничение.

Вот что можно сказать очень коротко о первых двух аспектах выбора. Не будем уделять им чрезмерно много места, поскольку для нас важнее последний, третий аспект. Но прежде чем перейти к нему, подчеркнем еще раз основное:

- свобода нашего действия в первую очередь определяется не нами, а той ситуацией, в которой мы находимся;
- именно ее (свободы) ограниченность делает возможным выбор, который возникает тогда, когда наше желание иметь или сделать одновременно что-либо, наталкивается на невозможность его реализации;
- свобода выбора, зародившегося вследствие ограниченности наших возможностей, в свою очередь, с двух сторон лимитируется следующим: исчислимостью количества вариантов, генерируемых ситуацией, в которую мы попали и ограниченностью нашей информированности об их наличии и исполнимости.

Не следует понимать изложенное выше как отказ человеку в осуществлении высокой потенции самоопределения. Отметим также, что описанные моменты ограниченности в материальных действиях и свободе выбора можно квалифицировать как затруднения технического характера, их претензии на обладание сущностными характеристиками неубедительны. Есть более значимое, которое, как ни странно, нередко упускается из виду в эпатажных верхоглядных рассуждениях. Если идти в обратном направлении, от реальности к субъекту выбора (человеку), прослеживается такая цепочка. Материальная данность ответственна за возможность воплощения действия и за предоставление соответствующих вариантов для выбора; субъективное знание индивида ответственно за его информированность в отношении существования и реализуемости того или иного набора альтернатив. Но что стоит за теми мотивами, которые побуждают человека к выбору? Что обуславливает выбор какого-либо одного конкретного варианта, а не равноценного ему иного? Почему человек хочет именно то, что он хочет? Изначально причиной наших поступков является наши желания. Но откуда они возникают? Действительно ли оно наши? Что же тогда есть мы? Способны ли мы выбирать, чего нам желать? Попытаемся ответить на эти вопросы рассматривая третий аспект свободы выбора - **свободу желания**.

Желание

Сразу уточним: чисто аффективные, эпизодические желания не являются предметом нашего исследования. В обоснование сошлемся на мысль В.Виндельбанда о том, что "...выбор во всех случаях решается отношением мимолетных мотивов к постоянным. Он вытекает из совместного действия длящейся сущности человека и его положения в данный момент". Детерминация мотивов на мимолетные и постоянные подразумевает следующее. У человека существуют определенные интенции, инициирующие его поступки. Один класс поступков может быть признан характерным для некоей личности, другой - нет. В первом случае можно говорить о том, что индивидуальные особенности конкретного человека предполагают наличие постоянных (не обязательно непрерывных, но систематически повторяющихся во времени) интенций или мотивов. Во втором скорее будет справедливым утверждать, что

соответствующие интенции навязаны извне, обусловлены перипетиями жизненных коллизий, не являются неотъемлемой частью психического мира данной личности, случайны и преходящи. В каждом человеке присутствуют оба класса. Однако, первый является определяющим, поскольку на достаточно продолжительной стреле времени девиационные всплески нивелируются, делая конечный результат, в определенных пределах, прогнозируемым. При этом верно и то, что нехарактерная для данного индивида интенция, найдя соответствующее воплощение, может сыграть решающую роль в его судьбе. Однако, подобное сложно включить в ткань нашего исследования, поскольку нетипичное не поддается теоретизации.

Проилюстрируем абстрактное примером. Есть гражданин Б. ведущий добропорядочную жизнь. Характер его уравновешен, а образ жизни не предполагает регулярного пьянства и конфликтов на бытовой почве. Нетипичная ситуация для гр. Б может быть следующей. Ряд событий (крупные неприятности на работе, развод с женой, унижение и оскорбление жизненных ценностей происходящими социальными процессами) привели к тому, что он не в меру напился с соседом на лавочке у дома и длительное время лежал пьяный около подъезда. Данный факт может вызвать локальные возмущающие действия, но поскольку он не характерен для гр. Б, не обладает свойством репрезентативности, влияние такого факта на линию судьбы пренебрежимо мало. Хотя, как отмечалось выше, оно могло бы быть и решающим, фатальным, если бы гр. Б, поссорившись с собутыльником, взял топор и изрубил бы соседа в лапшу. У иного же, персональные особенности могут делать такое развитие событий весьма вероятным. Для иллюстрации постоянных мотивов рассмотрим другого, уцелевшего, соседа гр. Б, гражданина У. Тот регулярно употребляет крепкие напитки, делаясь при этом раздражительным и агрессивным. К тому же в такие моменты у него замутняется сознание, далекое от кристальной чистоты и "насухую". Что же удивительного в том, что вчера, предаваясь полуденному возлиянию, он снес полчереп лопатой своему коллеге-слесарю?

В целом же, радикальные происшествия все же редки, поэтому мы считаем себя вправе полагать, что на сколько-нибудь продолжительном отрезке жизненного пути значимы постоянные мотивы, интенции, укоренившиеся в личности.

Также необходимо отметить, что зависимость вероятности реализации от произвола действительности у мимолетных мотивов существенно выше, чем у постоянных. Ну не окажись под рукой у гр. Б в нужный момент топора - чем бы он рубал своего соседа? Иное с гр. У. Пусть на этот раз не нашлось лопаты нужного размера чтобы сокрушить голову богохульника - пуля виноватого найдет, в дальнейшем, в другой ситуации, другим инструментом, и даже с другим человеком, но свершится: он все таки низринет карающую десницу на бранный череп исчадия ада.

Так откуда же берут начало постоянные мотивы? Рассмотрим этот вопрос подробнее.

В экзистенциальной целостности можно условно выделить пласты знаний и чувственно-практического опыта. Под первыми мы имеем ввиду результаты познавательно-рефлексивной деятельности субъекта, выражающиеся, преимущественно, в рационально-теоретической форме. Сюда относятся: общие представления об окружающем мире ("вот это - стул, на нем сидят, вот это - стол, за ним едят..."), стандарты поведения и взаимоотношений с другими членами сообщества (в зависимости от их положения на иерархической лестнице и половой принадлежности), более сложные идеи мировоззренческого порядка и другое. Вторые являются результатом кумулятивного движения чувственно-практической активности человека сквозь тернии бытия, и представляют собой множество типов реагирования на те или иные возмущающие воздействия, отдельные виды интуиции, и в более общем смысле способ переживания этого мира вообще. В сумме же, взаимопереплетаясь, первые и вторые представляют собой базис, на котором происходит зарождение желания субъекта, они ответственны за то, что он захочет. Откуда же берутся эти пласты?

Пласты знаний. Сформулируем главный тезис. Основной объем этих пластов как в содержательном, так и в количественном измерении у среднестатистического человека составляют некритически приобретенные, принятые на веру знания. Мы получаем их от родителей, учителей, просто других людей, книг и т.д. Наша способность привнести свою толику меркнет перед общим массивом нажитого человечеством, к тому же она проявляется лишь в зрелом возрасте. *Мы убеждены в том, чему нас научили.* Научили бы иному и позиция стала бы противоположной. Сказанное справедливо для рассуждений различного масштаба. В частной ситуации оно верно, например, для молодого ученого, который попал в определенную научную школу и, впитав ее идеи, сделался их проводником. Если говорить об обществе, оно применимо на уровне культурных характеристик, политических взглядов, мировоззрения в целом (например, религиозное мировоззрение, сциентистское и т.д.). Особую убедительность наши доводы приобретают на фоне уже исследованного в данном направлении. В этой связи весьма интересен американский ученый, оригинальный, выдающийся мыслитель Пол Фейерабенд. Работавший в области методологии науки, он более известен своими идеями эпистемологического анархизма, пролиферации теорий, изучением проблемы несоизмеримости теоретического знания. Что же касается обсуждаемого нами вопроса, привлекает внимание его книга "Наука в свободном обществе". Пытаясь избежать излишне пространного изложения мыслей П.Фейерабенда и в то же время остерегаясь поверхностной, примитивизирующей интерпретации глубокого наследия, отметим интересующие нас моменты.

Духовно-мировоззренческую, идеологическую квинтэссенцию какого-либо общества П.Фейерабенд именовал словом "традиция", аргументировано показав, что мыслить абсолютно, вне какой-либо традиции, невозможно. При этом говорить о преимуществах и недостатках некоей традиции реально только в сравнении ее с другими традициями. Так, современную западную рациональность он рассматривал как одну из традиций, базирующуюся на следующих допущениях:

"Допущение А: Научный рационализм выше всех альтернативных традиций.
Допущение Б: Его нельзя усовершенствовать с помощью сравнения или соединения с альтернативными традициями.

Допущение В: Благодаря своим преимуществам, он должен быть принят и сделан основой общественной жизни и образования" Далее, П.Фейерабенд ставит своей целью показать и убедительно показывает, что "...ни допущение А, ни допущение Б не соответствуют фактам, если понятие "факта" определено согласно типу рационализма, который подразумевается в А и В: рационалисты и ученые не могут рационально (научно) обосновать особое положение, занимаемое любимой ими идеологией" [13,510].

Основная идея работы "Наука в свободном обществе" состоит в том, что лишь то общество можно считать свободным, в котором всем культурным традициям предоставлены равные права. В настоящий же момент, безосновательно культивируется сциентистское мировоззрение, боготворящее науку и технический прогресс, особый тип рациональности. Для исправления положения вещей в обществе необходимо кардинально реорганизовать систему образования - оно должно обрести качество идеологического полиморфизма, т.е. не вдавливать в голову учащихся одну традицию, но давать сполна знания, дабы человек смог самостоятельно и осознанно выбирать, какой из традиций ему следовать по жизни - научной, религиозной, мистической или какой другой. Таков проект Фейерабенда "отлучения науки от государства".

Для нас значимо следующее. В социальном плане индивид всецело зависит от принятой в его обществе "традиции", и раз уж ему повезло в нем родиться, то его мышление, а также ценностная ориентация, способы рассуждения, логика и многое другое будут действовать лишь в рамках данной "традиции". Этим уже заложена система предпочтений по жизни, определены потенциальные классы желаний, которые могут у него возникать. Так что апологетам

свободного выбора неплохо бы задуматься, что существуют такие варианты, которые данный индивид просто не сможет захотеть, причем не по своему недоумию, а потому, что таким его "отштамповала" эпоха.

Возвращаясь же с небес научных изысканий на землю грешную, к корням (видимо к корням Крыловского дуба, в которых в поисках желудей и роются большинство практиков и прагматиков), процитируем строфу достойного поэта Игоря Губермана:

Можно в чем угодно убедить
Целую страну наверняка
Если дух и разум повредить
С помощью печатного станка.

Таковы реалии. Каким, интересно образом, мог осуществить **СВОБОДНЫЙ ВЫБОР** заидеологизированный бухгалтер сталинской эпохи, воспитанный в духе классиков марксизма-ленинизма? Даже если чудесным образом обеспечить ему безопасность со стороны карательных органов, решив проблему "внешнего ограничения", внутренние его барьеры будут непреодолимы. И нелепо говорить, что в принципе, мобилизовав все внутренние резервы, люди могли бы самоопределяться в любое лихолетье. Кто-то один, может, и мог бы (и то, при выполнении соответствующих условий), но не все. Разговоры о том, что если бы все вовремя задумались, переосмыслили бытие, то стали бы иными, и свободный выбор мог бы состояться, смешны, хотя теоретически это не невозможно. Невозможно это практически, и стоит гораздо дальше от воплощения, чем призывы типа "если каждый бросит бычок в урну, на улицах будет чистота" Не станем приводить здесь аргументацию, почему это не реально, наш разговор об ином. Констатируем лишь, что каждый не перестанет мусорить, не придет на выборы, не сэкономит по киловатту электроэнергии, не посадит по одному дереву и тем более, не будет работать над собой. Оставьте.

Справедливости ради стоит заметить, что реформа образования, предложенная Фейерабендом, с нашей точки зрения, недостаточна. Одна она не приведет к свободному обществу. На этом пути возникают специфические, существенные проблемы. Но это совсем другая история. Мы, высказавшись в отношении пластов знаний, плавно переходим ко второй составляющей результата нашего условного деления экзистенциальной целостности.

Пласты чувственно-практического опыта. Строгой границы со сферой знания провести нельзя. И знание может быть чувственным, и опыт "знательным", и любая рефлексия неразрывно связаны с подспудными переживаниями, не рационализируемыми предпосылками и т.п. Тем не менее граница есть - как и в другом случае, когда трудно провести четкую грань между умом и глупостью, но тем не менее, ее существование не отрицается.

Пласты чувственно-практического опыта состоят из наборов затвержденных типов реагирования на ту или иную ситуацию, различных у каждого в следствие неодинаковости личного опыта, а также несложных поведенческих алгоритмов, не требующих осознания при реализации. То, что их формирование всецело зависит от жизненного пути человека и сопутствующих ему обстоятельств, достаточно очевидно. Также, как очевидно и то, что их влияние на возникновение того или иного желания весьма велико. Кроме того, к образованию желания они стоят ближе, чем пласты знаний, поскольку действуют непосредственно, не затрагивая рефлексивный аппарат.

Не станем утомлять читателя умозрительными формулировками, пытаюсь абстрагировать универсально-сущностное из неоднородного поливариантно-разнообразного. Поясним доводы на конкретных примерах.

Нередко попадаются рассказы мужчин, бывших в детстве совращенными женщинами. Различаясь в деталях, они совпадают по существу. Типичный случай: родители оставили 12-летнего мальчика одного в коммунальной квартире, что не осталось без внимания похотливой соседки, которой было за 30. Воспользовалась моментом, она вступила с ним в интимную связь. Хотя весь механизм происшедших психических изменений неизвестен, зато известен их результат: мальчик давно стал мужчиной, но всю жизнь его привлекают лишь женщины ощутимо старше. Это наиболее стандартный случай, другие хуже (особенно, с садомазохистскими интерпретациями). Насколько же теперь выбор этих людей свободен, насколько возникающие желания принадлежат им самим?

Или иное, ребенка в детстве сильно испугало громким, внезапным гавканьем противное, невоспитанное животное, именуемое собакой. На беду в тот же момент предательски каркнула большая ворона. Всю жизнь потом у этого человека каркающий звук вороны ассоциируется с громким собачьим звуком, и затем всплывают неприятные впечатления испуга. Однако, и это не финал. Отныне встреча товарища по фамилии Воронин, или какой-нибудь Гали Галкиной, вызывает у него идиосинкразию. Вослед за "птичьей" фамилией в его душе следует бессовестное "Каррр!", за ним - неотъемлемое "ГАВ!", далее соответствующие переживания. В результате, не имея на то объективно признанных оснований, он окрысился и на Воронина, и на Галкину, причем и сам не понял, почему.

В силу жизненного многообразия, подобное описанному фигурирует в отношении любого уголка человеческого опыта. Наши реакции на мир, во многом, запрограммированы.

Подведем промежуточный итог. Отмеченная запрограммированность человека, проявляющаяся, кстати, не только вследствие пластов чувственно-практического опыта, но и пластов знания, в части вопроса свободы выбора, приводит к следующему.

Рассматриваемая нами свобода хотения не находит возможности своей реализации. Подобно тому, как в случае с осуществлением выбора мы можем избрать лишь из данного, то есть из того ограниченного набора вариантов, что предоставила нам ситуация, в которую мы вляпались, да притом, что не все варианты нам известны, здесь мы имеем нечто аналогичное. В нас уже есть набор потенциальных желаний, то что мы можем захотеть сочтено и предопределено. Кем? - окружающей ситуацией. Разница между альтернативами возможных поступков и фиксированным набором желаний лишь в том, что альтернативы (варианты) детерминированы окружающим миром в настоящем времени, а причины наших желаний заложены им же в прошлом. Тому есть много авторитетных свидетельств, полагаем, что часть из них известна читателю ("Сценарная теория" Эрика Берна, например).

Так какова же при таком раскладе степень свободы? Впечатление удручающе.

Встрепенувшийся в ответ на тезис о собственной абсолютной свободе неофит, не ринулся, как ожидалось, с безмерно счастливым лицом покорять просторы и высоты, но задумался. А задумавшись понял, что все его желания - в некотором смысле лишь слепок эпохи, обобщенная форма, уточненная вкраплениями частных. Его "свободное" желание на поверку оказывается с одной стороны, производной от прошлой встречи с "тетей-Мотей", от детских впечатлений, от степени душевности отношений в школе, семье, от множества случайных конфликтов, встреч, несчастной/счастливой любви и т.д. (Помните гр. Дюна - "...и с тех пор при слове ПИВО все внутри кипит бурливо..."). С другой - вектор его желаний направляется полученными знаниями, зависит от той мировоззренческой системы, в которую его, не спросив, вовлекли. Уже упомянутый нами П.Фейерабенд, анализируя индивидуальные реакции на учение Коперника (когда оно пробивало себе дорогу), пришел к выводу, что *"аргумент становится эффективным только в том случае, если он подкреплён соответствующей предварительной установкой, и лишается силы, если такая установка отсутствует... ..этот субъективный аспект научного*

полностью): каждый аргумент включает в себя космологические допущения, в которые нужно верить, чтобы аргумент казался правдоподобным. Чисто формальных аргументов не существует" [13;469]. Так и в нашем случае, только расширив понятие космологических допущений до более адекватных в данном случае мировоззренческих, получим ту же зависимость.

В этой связи трудно не отвлечься на комментарий. Имеется ввиду приверженность отдельных людей собственным принципам, иногда почти патологическая. К слову заметим, что само по себе весьма проблематично вписать все многообразие мира в какую-либо систему принципов, даже очень объемную, изложение которой занимает не один том философских книг. Что уж говорить о представлениях рядового обывателя. Но мы о другом. Ведь система принципов формируется в точном соответствии с описанным выше алгоритмом - в результате достаточно случайных, обусловленных конкретной, преходящей данностью светлых обстоятельств, вовлечения в произвольную идеологическую базу и перманентного взаимодействия с комплексующими, агрессивными согражданами. О какой-либо сопричастности высокому, нетленному говорить не приходится. Также навряд ли имеют смысл рассуждения о прикосновении к собственной, глубинной природе. (Что это такое - само по себе большой вопрос. Например, некоторым знакомо переживание сущностной связи с человечеством, ощущение себя не только алчной и злобной эгоистичной индивидуальностью, но представителем рода). Ясно, что указанное далеко от того образа эго, которое создано в нас нашей историей. И в этой связи немного странно, когда человек готов буквально пойти на смерть, уж если не на смерть, то на явно невыгодный для него поступок, с пафосом и пеной у рта отстаивая приверженность своим принципам. "Не поступлюсь!" - визжит он. Но разве это твое? - хочется спросить в ответ. Стоит ли так превозносить тот набор убеждений, который случайно выпал тебе в результате игры богов в фишки? Неужели в тебе нет ничего более высокого? Разовьем эту тему в дальнейшем, а сейчас продолжим рассуждение о выборе, сделав еще одно замечание.

Ведь если смотреть шире, наш выбор зависит не только от поведенческих паттернов и явных и неявных знаний, но и от типа рациональности, которым мы пользуемся. Ведь сама проблема выбора, в том виде, каком мы ее определили, предполагает некоторую степень сознательности, разумности. Но "разум не является силой, направляющей другие традиции, он сам - традиция, предъявляющая такие же претензии на превосходства, как и любая другая. Будучи традицией он ни хорош, ни плох - он просто есть" [13;469]. Наивно полагать, что существует, якобы, некий разумный, единый, рациональный метод, выступающий первоосновой логичных шагов. Образованному читателю известно, что типы рациональности меняются не только от культуры к культуре, но и от эпохи к эпохе, и что сейчас кажется рациональным, может не оказаться таковым ни с точки зрения предков, ни с точки зрения потомков. Да и в нашем, сегодняшнем мире существует несколько определений, пониманий "рационального", которые не очень-то пересекаются. Так что и сам акт нашего выбора осуществляется посредством приобретенных представлений, притом весьма относительных.

Среди дочитавших до сего момента, наверное, найдется немало таких, кому не терпится возразить: "Не все люди следуют заданной ситуации. Есть отдельные, лучшие, которые стремятся жить вопреки ей!". Что ж, рассмотрим этот аргумент. Действительно, замечание справедливо. Не просто не все люди "плывут по течению", но и одинаковые условия оказывают различное, порой диаметрально противоположное влияние на разных людей. Так что с того? Если не отвлекаться от предмета нашего разговора, этот тезис ни в коей мере нельзя признать возражением. Ведь мы выносим за скобки как непосредственный механизм, посредством которого влияние осуществляется, так и его конкретный результат. Для нас важен сам факт: влияние состоялось. Как оно проявится - технические детали, ибо главный тезис говорит о том, что выбор человека *детерминирован* его историей. Например, два молодых искателя знаний

попали в научную школу, где главенствуют ортодоксы. Силовыми методами их заставляли работать в рамках известной позиции. Оба, по прошествии некоторого времени, хорошо разобрались в навязанной им идейной базе, стали ее знатоками. При этом один, глубоко поняв ее основы, проникся, отставил свои возражения, влившись в это научное направление, сделался его последователем. Другой, будучи не менее способным, также хорошо ее познал, но всю жизнь копил свои мысли лишь делая вид, что является сторонником этого направления. Так было до тех пор, пока ему не удалось выйти на "оперативный простор", когда гнет вышестоящих, по разным причинам, потерял актуальность. Теперь, второй является непримиримым противником навязываемых ему в прошлом идей, выступает с их критикой. При этом, долгий путь, пройденный им с внутренним протестом, оставил свои следы. Ему приходилось изучать соответствующую литературу, чтобы быть вооруженным для критики, посещать конференции и т.д. - в общем, готовить иную, альтернативную платформу. Эта платформа никогда бы не возникла, не будь изначальной ситуации протеста. Но возникнув, она, быть может, принесет своему создателю славу разработчика нового направления в науке. Дай Бог, но для нас важно, что мировоззрение и первого, и второго исследователя определилось жизненными обстоятельствами, одинаковыми обстоятельствами, но по разному.

Такие вот неутешительные выводы. Но в этой связи важно отметить одно существенное обстоятельство. С нашей точки зрения, в пределах материалистического мировоззрения проблема свободы неразрешима. И, поскольку это бывает неочевидно и для самих материалистов, покажем, почему их миропонимание не предполагает свободы.

Материализм и свобода

Напомним, прежде, для тех, кто подзабыл, что такое материализм. Его можно рассматривать как "убежденность познающего сознания в его производности от природной и социальной реальности, которая для материалистов самоценна и самодостаточна, никем не сотворена, т.е. существует вечно!" [14,27]. Или, выражаясь строже, "материализм (от лат. materialis - вещественный) - воззрение, которое видит основу и субстанцию всей действительности - не только материальной, но и душевной и духовной - в материи... ..для материализма характерно уважение к естественным наукам и технике и прославление человеческого разума... ..Материализм - образ мышления, предпочитаемый массами, поскольку они надеются осуществить свои цели прежде всего благодаря своему "весу", своему большому количеству и ощущают себя как нечто более или менее телесное" [15;259]. В противоположность ему "идеализм есть такой тип и такой способ философствования, который активную, творческую роль в мире отводит исключительно духовному началу, лишь за ним признавая способность к саморазвитию" [14,27].

Заметим, что доминанта материалистической составляющей в нашей стране, по видимому, обусловлена не только тем, что материалистическое мировоззрение тяготеет к массам, в то время как идеалистическое к людям развитым и высокодуховным. Важно, что материализм Карла Маркса более 70 лет довлел над Россией, исподволь заражая умы, проникая и укореняясь в картину мира советского человека - его внедрение начиналось чуть ли не с детского сада. Сейчас, утратив актуальность, учение Маркса не утратило своего влияния - оно стало подспудным. Для себя я ввел такое понятие - неявные Марксисты. Это люди, прочно усвоившие многие ключевые идеи марксизма, но не подозревающие об этом, иногда даже считающие себя "антимарксистами". Обычно в их представлении учение Маркса сводится к двум-трем тривиальным идеям, не всегда имеющим отношение к реальному наследию философа. Неявные Марксисты именно их и отрицают, отождествляя со всей системой. Однако остальные 95% идей Маркса и составляют основу их мировоззрения, поскольку они не знают, откуда эти идеи.

В общем, учитывая то, что в силу разных причин материализм популярен, с

материалистической позицией надо считаться. Считаюсь, рассмотрим, в силу чего она не допускает реализации свободного выбора личности. Для этого приведем несколько тезисов материалистов, как Нового времени (приблизительно, с конца XVI в до начала XVII), так и современности.

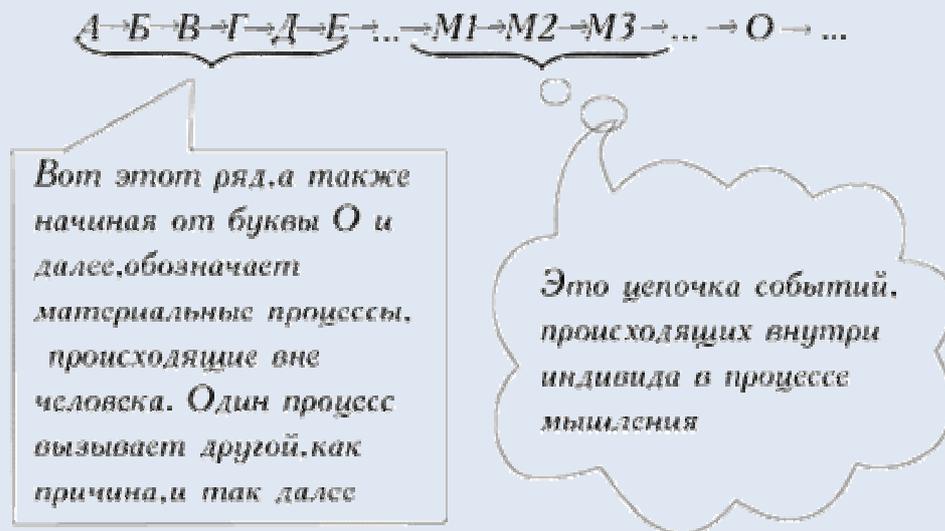
В Новое время господствовал механистический материализм, характерный для классической науки. Рассматривая мир как гигантскую машину, подобную сверхсложному часовому механизму, в его основе видели "протяженность и движение" (Декарт), "тела, не зависящие от нашего сознания и совпадающие с частью пространства и механическое перемещение" (Гоббс) и т.п. Рене Декарт, Томас Гоббс, Джон Локк - лишь несколько имен в ряду выдающихся мыслителей той поры. Предоставим слово одному из них. В своей работе "О теле" Т.Гоббс рассуждает: "И свобода воли или желания не присутствует в человеке больше, чем у других существ. Действительно, желанию предшествует собственная причина этого желания и, поэтому, сам акт желания... не мог бы не следовать за ней, то есть он следует неизбежно. Значит, ни воле людей, ни воле животных не свойственно, чтобы подобная свобода была свободной от необходимости. Если под свободой мы понимаем способность не желать, а делать то, что хочется, тогда наверное такую свободу можно предоставить как первым, так и вторым, а когда она существует, она одинакова и у людей, и у животных" [11,313].

Согласимся, свобода разрушает механическую причинную связь, нарушает логику теории материальных тел, не совместима с онтологией материализма. Несложно множить подобные примеры обращаясь к наследию иных авторов - выводы будут аутентичными. Так может что-либо интересное нам предложат современники? Может быть по прошествии веком материализм решил проблему свободы? Отнюдь.

"Принятие решения рассматривается как селективное возбуждение командного нейрона, ответственного за данную реакцию". При этом под принятием решения понимается "...выбор одной из возможных реакций", - повествует Е.Н. Соколов, анализируя акт выбора "в рамках концептуальной рефлекторной дуги" [12;75,81,82]. Неизбежное отождествление сознания и мозга переводит разговор на уровень физиологии. Хотя некоторые ведущие исследователи мозга утверждали: "Я посвятил этому всю свою жизнь и уверен - в мозге сознания нет!", для современного технократа, как правило, эти результаты неизвестны. Но оставим этот преинтересный разговор на потом, поскольку применительно к обсуждаемой проблеме нас интересуют закономерности более общего характера. Это важно, ибо наиболее чистое решение может быть найдено лишь на философском уровне. Редукция к частным дисциплинам неизбежно приведет к вступлению в грязную, бесцеремонную схватку разрозненных доктрин, каждая из которых нетерпима к другой и все они, внешне насмехаясь над философией, завистливо претендуют на ее роль, т.е. на целостный охват проблемы, вскрытие не только существенного, но сущностного. Однако видит Бог, никаким психологиям, физиологиям, анатомиям, биотехнологиям не по зубам категории сознания, свободы и проч. Они открываются лишь философствующему уму. А философствуя, хоть и на практическом уровне, я вижу следующее.

Для меня не важно, каков "субстрат сознания", движением каких частиц и каким типом этого движения естественнонаучные корифеи объясняют мысль. Будь то механическое перемещение частиц, сложное биохимическое движение еще чего-то, электрические пульсации или функционирование нейронов - на исходный принцип это не влияет. Важно, что мысль полагается материальной (Как вариант - полагаются материальными процессы, отвечающие за воспроизводство мышления). В отличие от оккультной трактовки "ментальной" материи, здесь картина следующая. Когда то мне долго объяснял технократ, какие именно изменения в нейронах происходят в процессе мышления. По видимому, столь же подробно мне могли бы объяснить сей процесс и в XVII веке, окажись я там. Суть же одна - если мышление есть следствие какого-либо материального процесса - любого, то и само мышление есть

материальный процесс. Следовательно, оно находится в жесткой (на условиях детерминизма) связи со всей окружающей действительностью. И полностью зависит от условий материальной данности. Действительно, предположить существование материального (читай природного) процесса, совершенно irrelevantного к природе, находясь в здравом рассудке, невозможно. Природные процессы протекают в соответствии с достаточно однозначными зависимостями, именуемыми законами природы. Как механическое, так и биологическое и химическое движение бывает неспроста, оно включено в событийную цепь, которая отнюдь не ограничивается телесными пределами мыслящего индивида. Проиллюстрируем сказанное.

Вот этот ряд, а также начиная от буквы O и далее, обозначает материальные процессы, происходящие вне человека. Один процесс вызывает другой, как причина, и так далее

Это цепочка событий, происходящих внутри индивида в процессе мышления

То есть, полагаю у Вас не вызывает сомнения, что в природе процессы взаимосвязаны - одни порождаются другими, существует причинно-следственная зависимость. Б имеет место тогда, когда происходит А, и продуцирует В, которое, в свою очередь, является причиной Г. Например, предположим существование некоего дерева. Когда падает температура окружающей среды (А), изменяется поступление питательных веществ к его листьям (Б), что вызывает изменение химического состояния листа (В), за чем следует физическая трансформация системы крепления листа к дереву (Г) и он отрывается (Д), падает вниз (Е), попадая в алчный глаз любителю пива "Клинское" (Ж), который повернул кепку козырьком назад насмотревшись дебильных рекламных роликов ("Мы так носим кепки потому, что так мы пьем наше пиво!").

В этом примере события А, Е и Ж не имеют отношения к дереву, являясь для него внешними. Даже самому могучему дубу не подвластно осеннее изменение температуры, и даже самой последней осине наплевать, по какой траектории падает ее лист, и попадет ли он в глаз пивному тинэйджеру. События же Б, В, Г, Д являются, условно говоря, внутренней жизнью дерева, они происходят в нем. Но происходя в нем, они порождаются независимыми причинами вне его. Эта мысль верна и в том случае, если мы чего напутали в примере. Может быть, пожелтение листа происходит несколько иначе, может кепка прохожего была завернута козырьком назад не потому, что он действовал как в рекламе, а из-за того, что упав, он уронил ее, а одеть правильно не смог по причине частичной дезориентации в пространстве и нарушений координации. Не суть важно.

Аналогичная рассмотренной схема применима и к человеку. Только здесь внутренние процессы обозначены на схеме M1, M2, M3 и представляют собой движение, например, нейронов, или еще какой-то гадости. Последовательность M1 - M2 - M3 представляет разворачивания акта выбора. Но, как мы уже констатировали, материальный процесс не может происходить вне связи с природой. А значит и в этом случае имеет место свое А - Б - В - Г - Д - Е происходящее вне индивида, но путем материальных закономерностей оказывающее влияние на процессы в

его мозгу. От его изменения зависит и изменение М1 - М2 - М3. Да и что же еще в рамках материализма может оказать влияние на один материальный процесс как не другой материальный процесс. А другой зависит от среды и т.д. То есть, получается, что рассматривая мыследеятельность человека в лоне материалистического учения, мы вынуждены согласиться с ее зависимостью от вещей, индифферентных к человеку. А значит и "свободный выбор" определяется не столько самим субъектом, сколько окружающими его условиями. По меньшей мере, влияние их сильно, обосновано и неустранимо.

Сказанное относится к материализму вообще, мы остановимся на этом, отмечая, что возможен анализ и различных его видов, как то физического материализма, биологического, этического, диалектического, исторического. Но результаты не претерпят принципиальных изменений. Не только в силу описанных нами, но и в силу других причин, будет справедлив вывод, согласно которому НЕТ свободы в пределах материализма. Поэтому для собственного освобождения нам необходимо включение в идеалистическое мировоззрение. Но при этом нужно учитывать, что мир бизнеса, техники и технологий зиждется на материализме, и значит ему гарантирована весомая поддержка.

С нашей точки зрения неверно утверждение, что мышление, и шире, сознание есть следствие какого-либо материального процесса. (Материалисты же, как древние, так и современные ничего другого предложить не могут). Мы утверждаем обратное: материальный процесс есть следствие мышления, сознания. Но обоснование выдвинутого тезиса - дело сложное, долгое, к тому же имеющее другой вектор, нежели тема свободы. Поэтому не станем здесь углубляться в доказательства. Напомним лишь, что пережившие силу духовной интенции знают, сколь сильно бывает наше духовное воление, сколь явственно оно воздействует на материальное, порой переворачивая традиционные представления, удивляя, вдохновляя, заставляя верить в силу духа, разума, иногда даже высшего, в силу добра, свободы и красоты.

Дань материальному

До сих пор нами игнорировался достаточно существенный аспект. Значительная часть факторов, определяющих степень свободы индивида априорна по отношению к его жизненному пути, не формируется личной историей. Речь идет о наследственности. Это, по видимому, вотчина материализма. Ведь действительно, наша материальная структура нам изначально задана. Под ней мы подразумеваем не только визуально наблюдаемые, телесные параметры, но и интеллектуальные способности, характер, врожденные склонности и т.п. Конечно, относительно последних можно спорить, насколько их природа материальна. Мы думаем, что вряд ли тип, к примеру, характера всецело определяется строением тела. Но, согласитесь, провести тезис о наличии врожденной духовной структуры значительно труднее, тем более, что наличие врожденной материальной структуры абсолютным большинством не подвергается сомнению. Поэтому здесь, условно, отнесем все перечисленные и подразумевающиеся категории в область материального. Ведь для нас важнее другое. Незаметные на первый взгляд, они имеют весьма существенное влияние, ибо контролируют и определяют немалую долю наших действий и помыслов. Оставляя в стороне антропометрические данные, акцентируем внимание на главном: каждый из нас несет в себе априорную систему предпочтений и пределы собственных возможностей. В плане возможностей наглядна аналогия с телесным. Бывает так, что один рождается сильным - способен завалить быка ударом по лбу, если попадет. Не то другой, боящийся не сладить даже с мартышкой. Так же и в сфере ума. Один низвергает соперников громадой ментальной мощи, другой демонстрирует интеллектуальную дистрофию.

В сфере предпочтений картина не менее очевидна. В зависимости от своего характера человек не только действует теми или иными методами, но и ставит те или иные цели. Ясно, что смелый, решительный и авантюристичный человек примется за реализацию задач иных, нежели

спокойный, неизобретательных и туповатый коллега. А такие различия в характерах часто имеются уже при рождении. Автор неоднократно наблюдал развитие котят, с удивлением отмечая, сколь разными в психологическом плане могут быть родившиеся одновременно дети одной матери, как разнятся их характеры и поведение. Или собаки - одна родилась злой, кусает всех, другая добрее, кусает избирательно. Что уж говорить про человека! Ведь здесь, в отличие от кота, в игру вступают сотни новых факторов - например, один склонен к аналитическому мышлению, другой - к художественному, образному. Нет смысла описывать все многообразие - полагаю, читатель исполнен собственных мыслей на этот счет. Подчеркну только еще раз, что врожденное является не последним фактором в деабсолютизации нашей свободы - и не только в части методов достижения целей, но и в части самого выбора целей.

АНАМНЕЗ СВОБОДЫ

Итак, наши рассуждения позволяют зафиксировать следующие положения:

- 1) Грамотный разговор о свободе выбора предполагает обсуждение трех моментов: свободы реального действия, самого акта выбора и нашей возможности управлять собственными желаниями.
- 2) Свобода реального действия ограничена и зависит от окружающей среды и текущей ситуации - этот тезис был принят без доказательства, как самоочевидный.
- 3) Сам выбор возможен только тогда, когда наша свобода уже нарушена - мы хотим иметь или сделать одновременно то, что одновременно сделать не можем - следовательно, нужно выбирать. Возможность выбора порождается ограниченностью свободы действия.
- 4) Непосредственная свобода в акте выбора ограничивается, с одной стороны, материальной данностью (поскольку выбирают из наличного, из того, что есть, а не из виртуального), и с другой стороны, информационным полем, знаниями (поскольку неизвестный вариант не может быть избран).
- 5) Наши желания точно так же предопределены ситуацией, как и варианты выбора. Только варианты выбора регулируются текущей ситуацией (Что съесть банан или морковь? - выбор из данного), а варианты желаний - ситуациями, возникшими в прошлом (Могу выбрать банан, но не выберу, ибо не люблю бананы, а не люблю потому, что объелся их в детстве).
- 6) В этой связи утверждения об абсолютной свободе выбора возможно квалифицировать как необоснованные, несамокритичные и поверхностные, лежащие вне ареалов рационального знания.

Сама процедура фиксации положений предполагает хотя бы демонстрацию отрешенной объективности. Теперь же, когда она завершена, выразим и свое субъективное отношение. Оно отрицательно.

С нашей точки зрения, решительно невозможно, чувствуя себя самобытным, мыслящим существом, принять фундаментальность собственной ограниченности как в действиях, так и в помыслах. Не хочется ощущать себя результатом конечно-конкретной данности.

Ведь "с древнейших времен, на заре культуры и философского мировоззрения человек находил в самом себе стремление превозмочь конечность своего бытия - свою ограниченность и локальность, прикрепленность к заставаемым условиям, свою вынужденную "частность" и разрушимость в потоке времени. Это не было просто-напросто выражением до-человеческого, до-культурного и слепого в его инстинктивности порыва к саморасширению, экспансии вовне и самоопределению, т.е. желания быть пространственно больше и пребывать дольше в времени. Это было с самого начала смысловым тяготением выйти за локальный пределы и границы преходящего, не затеряться и не запропасть посреди гигантского многообразия и чудовищной

мощи обступающего его со всех сторон иного и инакового бытия, не остаться заточенной в свое здесь-и-теперь и постольку лишь исчезающей и незначимой микродеталью - и выйти к чему-то неисчезающему и непреходящему, значимому везде и всегда, вне зависимости от социально-жизнейского контекста, от условностей исторически заданного положения, от всех сетей детерминаций и предписанности окружением, от тождественности самому себе как предуготованному быть не чем иным, кроме как тем, что в себе застаешь и что втиснуто в пленяющие обстоятельства" [1;37]. Или, говоря поэтическим языком,

Всю жизнь готов дробить я
камни,
Пока семью кормить пригоден.
Свобода вовсе не нужна мне,
Но нужно знать, что я свободен.
И. Губерман

Поэтому необходимо дальнейшее рассуждение, позволяющее примирить жажду свободы и лимит ее доступности. Как гласит зодиакальный оракул, "мир меняется по мере того, как сменяют одно другое времена года, и то, что было бесплодным, уже несет плоды. Из ничего возникают все щедроты природы. Отдельно друг от друга слово и явление растут в унисон, следуя предначертанному пути, которого никогда не изменить человеку. С пути нельзя свернуть, но его можно понять. С пониманием появляется знание, из знаний вытекает решение /курсив мой - Д.П./".

Вдохновившись этой туманной, но красивой и содержательной фразой, задумаемся над проблемой свободы далее, попытавшись ответить на такие вопросы:

- Только ли объективное ограничивает свободу? Не создают ли предел еще и субъективные факторы? Каково их соотношение?
- Правильно ли определять свободное действие как не имеющее причины, не обусловленное чем-то извне или внутри?
- Правомерно ли рассматривать личность как нечто автономное от культуры - ведь постулирование абсолютной свободы как раз и предполагает такую автономию?

Степени свободы: объективные и субъективные пределы

Как отмечалось выше, к настоящему моменту мы оказались в состоянии двусторонней неприемлемости. Под ним имеется ввиду следующее. С одной стороны, нельзя принять утверждения об абсолютной свободе нашего выбора, даже если его абсолютность понимать весьма относительно. Прделанный нами анализ показал необоснованность такой позиции. Кроме того отметим, что у большинства популярных авторов, указывающих на безграничность человеческой свободы, отсутствует сколь-нибудь серьезная аргументация, подкрепляющая их мнение. В целом их тезисы носят назидательный или декларативный характер, не выдерживают напора последовательной критики и не могут быть приняты за основу читателями, строящими свою жизнь осознанно, с пониманием, и поэтому противящимися навязчивым прорицаниям и неосмысленным пророчествам. С другой стороны, вы помните, что неприемлем и вывод о тотальной задетерминированности личности. В этой связи справедливо следующее уточнение. Определенно можно сказать, что наше исследование вскрыло зависимость желаний и поступков человека от его личной истории. Но далеко не столь определенным представляется ответ на вопрос: какова мера этой зависимости? Действительно ли человек - лишь слепой продукт своих прошлых ситуаций, или же присутствует какой-то люфт, допускающий известные флуктуации? Проще говоря, выяснив, что поводок имеется, мы не выяснили, какова длина этого поводка - тащит ли нас судьба, ухватив волосатой лапой прямо за ошейник, или же мы имеем возможность трусить на определенном радиусе от нее, выбирая траекторию самостоятельно? И,

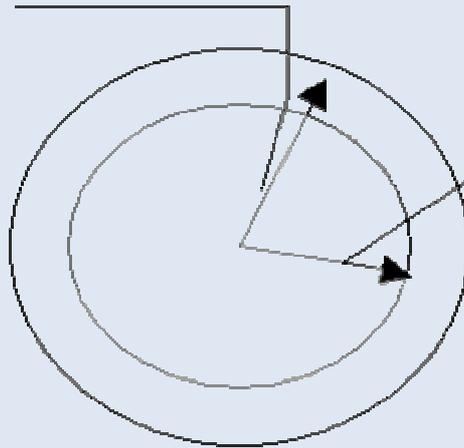
после упоминания о радиусе, сразу же возникает еще один вопрос - правомерно ли говорить о наличии двух поводков - одного судьбы, другого - нашего внутреннего, олицетворяющего способность воспользоваться наличествующей свободой. Комбинация этих вопросов порождает третий: в какой степени обсуждаемая мера свободы несет печать субъективности? По аналогии со старым анекдотом, где одни говорят, что деньги при коммунизме будут, другие нет - что нет, а третьи предлагают компромисс - у кого-то будут, у кого-то нет, здесь можно спросить: так ли, что идущие одной дорогой проходят ее по разному - один, ведомый за ошейник, у ног судьбы, другой, на длинном поводке, шастая по кустам и побрехивая?

В отношении первого вопроса, мы полагаем, что было бы ошибкой сводить всю многомерность человеческого опыта к какой-либо линейной системе. Выбор - не механический акт и в терминах механицизма не объясняется. Сложное, взаимозависимое влияние огромного количества разноплановых факторов не поддается ни учету, ни счислению. Результирующая их воздействия, хотя и проявляется с очевидностью, начисто лишена ее в вопросе о собственном генезисе. Поэтому даже зная, что одна группа факторов более влиятельна, нежели другая, мы не можем прозрачно и отчетливо описать процедуру принятия решения. Очень важно, что указанную неопределенность не следует понимать всего лишь как плод нашей неосведомленности. Значение ее много больше. Дело в том, что существуя в нашем сознании, она есть и в реальности, имеет онтологический статус, как нечто, присущее бытию по его собственной природе. Рассматривая же ее как следствие неполноты знания, мы тем самым не признаем ее реально существующей - дескать, в реальности-то все зашибись, это просто мы не все знаем. Последнее неправомечно. Такой подход был присущ классической науке XVII - XVIII веков, когда доминировал механицизм. В эпоху неклассики произошли фундаментальные трансформации миропонимания, иной стала и трактовка неопределенности. "Демон Лапласа" умер, и уже заросла его могила. /Примечание: Демон Лапласа - вымышленное существо, которое обладает божественными способностями учесть все, и поэтому знает и прошлое, и будущее. Современная наука доказала невозможность такой процедуры - даже если учесть все, не будет абсолютного знания/. Здесь ограничимся этим комментарием, а классический и неклассический подходы подробно рассмотрим в разделе о возможностях и границах познания. Интересующимся затронутой проблематикой рекомендую обратиться к специальной литературе (Ильин В.В. Теория познания: эпистемология. Издательство Московского университета, 1994. 136 с.; Гречанова В.А. Неопределенность и противоречивость в концепции детерминизма. Ленинград, Изд. Ленинградского университета, 1990; Лешкевич Т.Г. Неопределённость в мире и мир неопределённости (философские размышления о порядке и хаосе). Ростов-на-Дону. Изд. Ростовского университета. 1994.). Отметим лишь по ходу, что понимание мира как гигантской машины, прозрачной и однозначной по своей сути, рассмотрение целого как простой суммы частей и т.д., запоздало лет на 150-200, и сейчас характерно лишь для узколобых технократов и, почему-то, для некоторых студентов МГТУ им. Н.Э. Баумана.

Исходя из сказанного, извиняясь попутно за неполное изложение обоснования, приведенного в другом месте, сделаем вывод. Конечно, у человека есть своя степень свободы. Да, судьбой прописан его путь, но не в деталях. Так ранее, рассматривая свободу действия и момент выбора, мы отметили, что варианты, из которых мы выбираем, предоставлены нам нашей ситуацией. Теперь добавим, что их всегда несколько. Одно из двух, или одно из восемнадцати - не важно, важно, что в большинстве случаев однозначности нет. То же с желаниями. Действительно, наши желания часто заложены не нами. Но у нас всегда имеется несколько желаний относительно одного и того же (исключая тривиальные случаи). Мы не можем хотеть абсолютно рафинировано и регламентировано. Отсюда проистекает степень свободы. То есть, судьба ведет нас все же не за ошейник.

Теперь перейдем ко второму вопросу. Один ли поводок мы имеем, или же два? Мне думается, что два. Графически эта мысль выглядит так.

Радиус свободы,
предоставляемый
судьбой

Радиус
свободы,
который
индивид может
реализовать в
процессе
вершения
сознательного
бытия

Денотатом радиуса является степень свободы, доступная человеку в жизни. Мы считаем, что ограничивать ее может одно из двух: 1) объективные обстоятельства, тот предел возможностей, которые предоставила человеку его судьба, более чего он не просто не может свершить, но даже и захотеть; 2) предел собственных способностей и восприимчивости, именно этот вариант приведен на рисунке. Если вновь использовать собачьи аналогии, то для наглядности можно представить себе четвероное на длинном поводке, которым оно не пользуется по различным причинам (страх, нежелание, врожденная тупость и т.д.). Еще один примитивный пример - когда ситуация предоставила сорок реально воплотимых вариантов решения проблем, очертив тем самым свой радиус, но человек, в силу личного скудоумия, безынициативности и неизобретательности, способен увидеть только четыре. Радиус его свободы ощутимо меньше возможного в этих условиях.

Вы наверное уже заметили, что отвечая на второй вопрос, мы непроизвольно отвечаем и на третий. Они между собой тесно связаны, хотя полностью не сливаются. Приняв наличие радиуса свободы, мы выяснили, что он устанавливается дважды - один раз реальностью, и один раз бытийствующим в этой реальности субъектом. Этот последний радиус почти целиком определяется качеством личности. Речь не идет только о способности увидеть больше возможностей. Важнее наличие потребностей их реализовать. Тонко и точно обсуждаемое схватил в своей строфе поэт Игорь Губерман:

Свобода, глядя беспристрастно,
Тогда лишь делается нужной,
Когда внутри меня
пространство
Обширней камеры наружной.

В этой связи вспоминаются дискуссии эпохи перестройки. Кто горячо поддерживал реформы? В первую очередь интеллигенция. Почему? Потому, что реформы давали надежду освободиться из под гнета марксистско-ленинской доктрины. Из-за чего нужно было освобождаться? Из-за того, что богатые внутренним содержанием люди не могли найти полной реализации собственного творческого потенциала в условиях авторитарного доминирования известной идеологии, подавления свободомыслия, господства массового над индивидуальным. Внутренние, духовные потребности их выходили далеко за рамки наличного поля потенциальной реализуемости. Поэтому и сейчас, когда реформы привели к плачевным результатам, некоторые из них не отреклись от идеалов социальных свобод, дающих возможность (пусть даже небольшой, но шанс), актуализировать свое внутреннее богатство. Иное с другими социальными классами; для контраста возьмем, крестьянство. Если раньше тракторист получал большую зарплату, не сильно зависевшую от производительности труда,

успешно воровал, безнаказанно пьянствовал в рабочее время, осознавая при этом себя членом всеобщего, почитаемого рабоче-крестьянского социалистического братства ("Гегемон!"), то с началом реформ его жизнь изменилась в худшую сторону - материальная составляющая изрядно поредела. Зато появилась свобода в реализации собственного духовного потенциала. Но поскольку такой потребности у среднестатистического обывателя нет, как нет и потенциала, социальные изменения воспринимаются им однозначно негативно. Ему не нужен поводок такой длинны, он не готов платить за нее столь высокую цену. Например, свободы слова жаждет лишь тот, кто либо имеет в себе нетривиальное содержание, требующее для своего выражения именно свободного слова, либо тот, кто не довольствуясь обыденностью, нуждается в восприятии свободных мыслей другого.

Зададимся вопросом: много ли сегодня тех, кто действительно нуждается в свободе? Даже принять во внимание всю совокупность ипостасей последней, то, признаться, нет. Так, в области малого, приземленного, вариантом проявления свободы личности выступает возможность трудиться самостоятельно - организовав собственное дело, а не работая на хозяина. Многие ли в России хотят воспользоваться этой возможностью? Немногие. Большинство желает жить при социализме - получать маленькую, но стабильную зарплату и ничего не делая на работе. В области высокого, понятно, востребованность свободы еще ниже. Тот, кто считает свою жизненную функцию реализованной при условии выполнения простейших житейских нормативов - устойчивая семья, дети, стабильная работа - и этим ограничивается, в свободе не нуждается. Для устройства обывательского рая вполне достаточно минимума ее социальных характеристик.

Так что, если располагать объективные и субъективные ограничения в порядке их текущей значимости, вторые окажутся на первом месте. Не за то нужно беспокоиться, что создатель нам дал мало свободы, а за то, что имеющееся не востребовано. Значение объективного предела проявляется лишь тогда, когда наше собственное стремление следовать путем исканий заставляя нас, выбрав все люфты и зазоры, наткнуться на него. В противном случае объективного предела как бы не существует - на этом уровне границы нашей свободы всецело определяются субъективным пределом - то есть нами.

Свобода как беспричинность - апофеоз экзистенциального абсурда

Когда в начале я предусмотрительно перевел разговор от "свободы воли" к "свободе выбора", я ушел от разночтений в отношении понимания "воли", которые существенны и значимы. В то же время, не менее расплывчато выглядит и понятие свободы, но здесь уйти от разночтений сложнее, потому что применительно к нашим рассуждениям элиминировать это слово нельзя. Как нельзя обойтись и без фиксации нашего понимания. Однако подробный анализ и поиск наиболее адекватного определения свободы в наши планы не входит в силу своей сложности. Поэтому, по возможности кратко, выскажемся на этот счет.

Как справедливо отмечал В.Виднельбанд, свобода всегда является относительной, "в подлежащей опыту действительности нет примера абсолютной свободы, свободы от всякого определения и всякой зависимости, ни в деятельности, ни в состоянии, ни в вещи" [4,15]. Говоря о свободе всегда подразумевают зависимость от чего-либо, и эта зависимость тем более явная, чем глубже понимание человека. Так свободное животное, на самом деле, отнюдь не свободно, поскольку всецело подчинено своей природе, "уделано" в сети видовых, родовых и т.п. закономерностей. Свободным же его называют потому, а точнее то животное, которое проявляя свою жизненную энергию (дикую и необузданную), не находится под властью человека, независимо от него. Или еще:

"Свободна летящая птица
Никому, ничему не верна"

Да, она реализует свою свободу, если понимать последнюю как следование собственной природе. Но "она ни в коем случае не есть свобода как таковая" [4,12]. Ведь сама возможность полета обусловлена притяжением земли и сам полет весьма зависит от объектов на земле и в воздухе.

То есть, высказывание о свободе всегда подразумевает свободу от чего-либо, от каких-то классов ограничений, при том, что в других отношениях актуальна зависимость.

В этой связи, упомянутый нами Виндельбанд называет свободой выбора возможность определения поступков характером, т.е. преодоление постоянными мотивами (интенциями) мимолетных. Поскольку постоянные мотивы, обычно, отождествляются с самой личностью человека, их доминирование создает предпосылку для того, чтобы осуществленный с их помощью выбор был назван свободным. Здесь имеет место признание зависимости от факторов, подробно описанных нами ранее.

При таком подходе к определению свободы ее абсолютное толкование выглядит как беспричинность. Поясним. В относительном понимании характеристика чего-то как свободного означает независимость от определенного класса влияний, в данном ракурсе признаваемого существенным, и зависимость от остальных влияний, к этому классу не относящихся. Тогда совершаемое действие, иррелевантное к первым, будет определяться вторыми. Абсолютное же предполагает независимость и от вторых. А значит, поскольку первым и вторым исчерпываются все влияния (логически корректное деление), оно не зависит ни от чего, не имеет причины, т.е. беспричинно. Или случайно. Вообще, в словаре С.И. Ожегова, случайное, применительно к нашему контексту, трактуется как непредвиденное. Непредвиденное возникает тогда, когда мы лишены информации о причинах, могущих инициировать событие, поименованное случайным. Иными словами, даже незнание о причинах возникновения события позволяет причислить его к категории случайных. Что уж говорить о событии, причины которого не только "не лежат на поверхности" и обывателю не очевидны, но вовсе отсутствуют! Это уже не просто случайное событие, это случайность в квадрате! Соответственно, абсолютно свободный индивид в таком случае оказывается носителем абсолютной случайности, события его жизни происходят совершенно беспричинно, безотносительно к внешней действительности, внутренним целям, ценностям и пристрастиям. Очевидна не только невозможность такой ситуации, но и вопиющая ее абсурдность. Ну представьте, например, двух соседей, имеющих общее прошлое и разное настоящее: один - махровый коммунист, мечтающий о водке по 3,62; другой - если и не демократ, то коммунистов не любит. Как видно, у каждого достаточно своей истории, которая и определяет их реакции на мир. И в этом случае довольно естественно, по меньшей мере объяснимо, когда они встретившись у ларька, предались жарким словопрениям, закончившимся остервенелым мордобоем. Иное, если бы они были абсолютно свободными людьми, и их поступки не несли бы груза причинных объяснений, гнета личной истории. Тогда словопрения и мордобой начались бы спонтанно, совершенно свободно, повинувшись принципу "беспричинного хотения". Если скажете, что тогда бы они не начались, значит признаете детерминированность прошлой историей, зависимость от внутренних причин, и тем самым, отвергаете абсолютную не свободу.

Вот что получается, когда мы стремимся к абсолютной свободе при условии определения ее как независимости от чего-либо. Это закономерный предел наших изысканий для такого ее понимания (Разумеется, это понимание свободы не единственно. Например: "Свобода - понятие не негативное; она - свобода "для", "к", а не "от" [8;193]. Этот подход открывает уже иные перспективы). Но вернемся к "нашим баранам".

Полученный результат наводит на две принципиальные мысли. С одной стороны, в

рассматриваемой постановке вопроса абсолютная свобода не только невозможна, но и абсурдна. С другой стороны, если мы формально признаем всю полноту нашей зависимости от внешней ситуации и прошлой истории, то мы должны признать также и невозможность рационального обоснования ответственности. Действительно, могу ли я отвечать за то, что от меня не зависит? Я не несу никакой ответственности за то, что на улице внезапно пошел дождь, за то, что в мире живут большие черепахи, за то, что ворона каркнула (во все воронье горло!), обронив увесистый кусок сыра и за многое другое, на что я не влияю и причиной чего не являюсь. Признавая полное отсутствие свободы выбора я снимаю с себя всякую ответственность: пусть кто выбирал, тот и отвечает. А у меня такой возможности не было! (Справедливости ради надо сказать, что на практическом уровне такая проблема не стоит: для оправдания собственной деятельности ссылок на личную историю недостаточно. Например, если на улице, не пожалев ценную стеклотару, вас ударил по голове бутылкой бомж, и объяснил это своей нетерпимостью к людям в галстуках и белых рубашках, продуцированном личной историей, вы вероятно, выдвинете возражения, рациональная часть которых предполагает некоторое долженствование со стороны бомжа (должен соответствовать определенным стандартам и нормам вне зависимости от своей истории)).

Но поскольку мы рассуждаем не на практическом уровне, а на разумном, нам необходимо общее решение. А сказанное свидетельствует о наличии неразрешенной проблемности в целом. Необходимо ее снятие. Под ним мы понимаем такое решение, которое благополучно избежав сваливания в крайности абсолютизма, обосновывало бы минимально-достаточный уровень свободы и ответственности индивида. По своей форме наши условия напоминают проблему предельных основоположений знания, достаточных для его обоснования, исследуемую гносеологией. Суть дела в следующем. Существует знание, которое обосновано. Для его обоснования использованы некие основания. Но как обосновать сами основания? Необходимы еще одни основания, которые обосновывали бы обосновывающие основания и т.д., до бесконечности. Специалист говорит: "На этом пути возникали трудности, порождаемые самой природой обоснования как процедуры, нацеливающей на фиксацию очередного основания для всякого обосновывающего. С одной стороны, избавиться от этих трудностей нельзя: прекратить поиск обосновывающего основания означает реально достичь абсолютно обоснованного основания, что по понятным причинам невозможно. С другой стороны, избавиться от них необходимо, учитывая линейный, конечный, дискурсивный характер человеческого мышления.

Единственный путь преодолеть regressus ad indefinitum состоит в обрыве обоснования на каком-то его витке. Однако это вызывает новые трудности, представление о которых можно получить, оценивая возможности прекращения поиска обосновывающего основания. Таких возможностей две.

Первая: обрыв обоснования обеспечен тем, что некоторое основание обосновывается через себя самое, а не через иное основание. Решение через самозамыкание обоснования не проходит ввиду а) тривиальности, т.к. ставит перед необходимостью преодолеть логический круг, который нетерпим содержательно; б) основанности на отношении самореферентности (самоприменимости), т.к. чревато парадоксами, которые нетерпимы формально.

Вторая: обрыв обоснования обеспечен тем, что некоторое основание принимается как далее не обоснуемое. В реальной науке проходит именно данный путь..." [6;43].

В нашем случае, судя по всему, также применимо второе. Поскольку нельзя допускать в субъекта беспричинность, необходимо остановиться на каком-либо уровне, умышленно оборвав дальнейший поиск причин, признать какое-либо состояние исходным. Кто на чем остановится - личное дело каждого, размышления же следующего параграфа дают относительно этого небольшой намек.

Личность как часть культуры.

Выскажем еще одно соображение. Говорить об абсолютной свободе, подобно Ричарду Баху, можно только при наличии предпосылки, будто бы единичный человек является чем-то совершенно независимым от общества, истории, системы отношений и т.п. Теперь мы видим, что предпосылка неверна. На самом деле человек неразрывно связан с другими, настолько неразрывно, что трудно определить, где же кончается он и начинаются другие. Примечательно, что иллюстрация всеобщего единства не было целью нашего исследования, но явилось попутным его результатом. Сказанное не означает, что ценность этого результата тоже побочная - она вполне реальна, если же говорить о специальных работах, посвященных отстаиванию этой позиции, то они представлены в изобилии и предлагают десятки вариантов доказательств и иллюстраций.

В самом деле, заявления индивида о полной собственной автономности абсурдны и безответственны. С самого начала жизни ребенок вовлекается в тесную связь с человеческим. Ведь современник рождается не столько в природной среде, сколько в социальной. Ключевую роль в становлении личности играет вовлечение в поле социальных смыслов. Этот процесс представляется совершенно необходимым и вне его человек немислим. Известны многочисленные примеры взращивания человеческого детеныша в звериной среде (как Маугли). В качестве воспитателей выступали не обязательно волки, но и рыси, а также другие, более экзотические животные. Получив огласку, такие случаи вызвали большой интерес не только со стороны любопытствующих обывателей, но и специалистов. Исследования последних показали, что процесс деградации человека с таким детством необратим. В зависимости от времени пребывания в животном царстве и, по видимому, усердия воспитателей, различается только ее степень. Так одни, вернувшись в мир *homo sapiens* достаточно скоро, благодаря стараниям людей обрели-таки человеческий облик. Тем не менее, большая часть их интеллектуальных и духовных способностей оказалась безвозвратно утрачена. В течение всей своей жизни они отставали в развитии от сверстников. Другие же, пробывшие под опекой животных долее, даже титаническими усилиями не могли быть возвращены к человеческой жизни, оставаясь обреченными проводить ее в условиях спецприюта. Облик их походил на дегенератов или умалишенных.

То есть, опыт свидетельствует, что человек не может состояться без общества, в этой связи он изначально от него зависим, не свободен, ибо им же и порождается, является его дитем и продолжением. А можно ли быть свободным от собственного первоначала? И более того, мы считаем, что процесс становления личности, очеловечивания ребенка, является одновременно и процессом присвоения, трансляции опыта поколений, установления сущностной связи с другими людьми, впитывания их опыта, мировоззрения и культуры. Кратко раскроем этот тезис.

Что окружает современного ребенка, в каких духовных и душевных ландшафтах формируется его самость? Каково их содержание? Как было сказано, становление происходит далеко не в природных ареалах. Налицо иное. К настоящему моменту природа столь "окультурена", что в первую очередь мы сталкиваемся не с ней, а с продуктами жизни наших предков. Фактически, окружающая среда представляет собой их личную историю. Ведь характер деятельности наших предшественников направлен их видением мира, пониманием своего места в нем, представлением о целях и ценностях собственного бренного бытия, мнениями о надлежащем и ненадлежащем. Все это нашло свое воплощение в конечных результатах труда, которые и составляют так называемый "ландшафт" жизни. Сказанное относится как к материальной сфере, так и к духовной. В материальной речь идет об окружении и обустройстве нашей жизни. Методы, способы и формы преобразования природы, цели и задачи таких преобразований - все это уже имеется в мире, когда его начинает постигать неофит. Рождаясь, мы попадаем в готовые города с известной архитектурой и инфраструктурой, вовлекаемся в определенный тип материального воспроизводства и обеспечения жизнедеятельности и т.п. Для существования в

этой среде мы усваиваем опыт прошлых поколений, их подход и образ действия. Работает следующая цепочка. Созданный материальный объект призван реализовать какую-то цель. Цель задана воззрениями на мир и пониманием его. Тогда осваивающий объект неизбежно приобщается к целям, ценностям и мировоззрению его создателя. Что касается духовной сферы, здесь преемственность еще более очевидна. Воспитание делает нас членами одного культурного сообщества, способными воспринимать и понимать друг друга, без чего невозможно не только решение совместных задач, но и вообще совместное бытие.

В этой связи отметим важное. Во-первых, не будет преувеличением сказать, что вовлечение в мир данного начинается раньше, чем сознательная жизнь, усвоенное укореняется чрезвычайно глубоко и не может быть элиминировано полностью последующими усилиями. Имеются научные исследования, показывающие, что даже глубокие психотехники оказываются не в состоянии проникнуть в закрома человеческой души далее поверхностных уровней. К тому же, помимо индивидуального бессознательного существует и коллективное со своими архетипами, и генетическая память. То есть, сменить свою культурную матрицу невозможно. Мы не свободны сделать это. /Примечание: попытка подобного освобождения предпринимается в доктрине американского мистика Карлоса Кастанеды. Интересны его рассуждения о свободе. Однако отметим, что достижение абсолютной свободы у Кастанеды (по учению дона Хуана), предполагает длинный, всепоглощающий путь, одним из шагов которого - освобождение и от так называемой "человеческой формы", то есть по сути говоря, переход в нелюди - в смысле превращения в существо, принципиально, по сути не имеющего ничего общего с представителями человечества/. Во-вторых, какая-либо культурная матрица совершенно необходима. Вне ее нет и человека (см. про детей-маугли). Авторы, утверждающие относительность культурных (нравственных, этических) норм со ссылками на то, что в разных культурах они разные, и родившись в Африке мы были бы иными, правы только отчасти. Действительно, многие типы поведения, приятные и нормальные для одних народов (культур), для других нетерпимы. То есть, приведенное утверждение верно в моральном аспекте, где показывает неединственность нашей нравственной позиции, призывая тем самым к плюрализму. Грамотный его учет призван затруднить абсолютизацию собственных воззрений - ведь известно, что люди, полагавшие себя носителями единой и абсолютной (например, христианской) истины, были готовы вырезать полмира ради ее гегемонии. Но оно (утверждение) категорически ошибочно применительно к онтологии, когда полагают, что из относительности следует возможность смены или выбора собственной культурной матрицы, а также признание самого факта ее существования малозначимым. Относительность здесь не играет никакой роли. Пусть существуют сотни очень разных культур - но мы-то родились в одной, мы сами являемся ее частью. И мы не можем существовать вне ее.

Резюмируем кратко:

- в современной ситуации человек не может состояться вне общества;
- формируясь в рамках общества он впитывает в себя опыт предыдущих поколений, становясь таким образом их продолжением;
- в целом, личность впитывает в себя всю культуру данного сообщества;
- личность не может существовать автономно от культуры;
- культура, впитанная личностью, не поддается элиминации известными средствами.

Отметим теперь принципиально важный момент. В вышеприведенном перечне Вы можете прочитать такие формулировки как "впитывает личность" и т.п. На самом деле, если судить строго, они не являются корректными. Такие фразы наводят на мысль, будто бы уже сформировавшаяся личность, оказавшись культурной среде, как губка начинает ее впитывать. Такое видение процесса, с нашей точки зрения, в корне неверно. При серьезном осмыслении обнаруживается, что не удается сепарировать личность на ее непосредственный каркас (форму) и культурные наслоения (содержание). Иными словами, неправильно думать, что личность

подобна бутылке, в которую нечто наливается. В этом случае бутылка есть всегда, где бы она ни была, а то, что в нее налито - вопрос уже второй, при других обстоятельствах могло быть налито и другое. Не так с личностью. В отличие от бутылки она не существует вне содержимого, ибо содержимым и определяется, а точнее, представляет с ним нераздельное целое.

То есть, с определенным уровнем культурной заданности, на наш взгляд, нужно смириться. По аналогии с физиологическими признаками. Ведь родившись, каждый уже имеет определенную форму - во-первых, пол, во-вторых потенциальные пределы антропометрических данных и прочее - цвет волос, глаз, толщину губ. Чуть позже формируется привнесенное (то, что существует помимо генетической памяти). Так, по свидетельству Эрика Берна, сценарий жизни, качественно определяющий основные события ее, складывается в течение первых шести лет жизни. Китайские монахи думали приблизительно то же самое, и держали детей, взятых на воспитание у родителей в монастырь до шести лет. После их возвращали домой со словами, что теперь что-либо переделывать поздно. Видимо, подобные закономерности верны и в нашем обществе. Поэтому справедливо считать, что культурная матрица внутри нас хотя и является чем-то относительным, но тем не менее выступает нашим условием самоидентичности, для нас - она абсолютна. Она неотделима от нас поскольку является частью нашей сущности. Не стоит из-за этого переживать. Как говорили дзенские мудрецы, оттого, что мы являемся частью общего мы не становимся меньше - напротив, мы становимся больше. Если же кто весьма вдохновлен тезисом об относительности, то прежде, чем менять культуру, пусть попробует более простое и наглядное - например, родившись в России белым, превратится в черного африканца - ведь цвет кожи тоже относителен.

Напоследок внесу уточнение. Обрисованная выше картина отражает, в основном, укрупненные, существенные характеристики, справедливые на уровне нации, этноса. Из нее не вытекает необходимость догматизма в малом, житейском. На этом пока остановимся, интересующихся же подробнее отошлем к специальной литературе, благо обсуждаемая проблема в ней разработана глубоко и с разных точек зрения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Наконец подошел к концу наш разговор о свободе человека. Признаться, она не была затронута глубоко, изложенное - скорее обзорные размышления на эту тему. В то же время не следует некоторую поверхностность однозначно расценивать как недостаток. Иногда он превращается в достоинство. Серьезное философское исследование свободы имеет смысл читать лишь тому, кто обладает собственной нетривиальной позицией, системой аргументации, знанием по этой проблематике. Согласитесь ведь, что нельзя объяснить человеку, как работает атомный реактор, если у того нет хотя бы десяти классов образования. Точно также бессмысленно разбирать сложные философские проблемы тому, кто не имеет достаточного кругозора, опыта осмысления мира. Перечисленное приобретается, естественно, не в кухонных диспутах, а в постоянной работе над собой, думании, чтении книг. Надо надеяться, что текст, который вы держите в руках, льет воду на ту же мельницу.

Вышесказанное оценивало ситуацию в общем. Теперь что касается содержательной части. Разумеется, невозможен однозначный вывод, свободен человек или нет. Невозможен он не потому, что у нас слишком мало ума, чтобы его сформулировать, но потому, что жизнь сложна, и она не предполагает однозначных ответов вообще. Во-первых, все зависит от точки зрения, с которой мы смотрим, во-вторых, от нашей волевой активности. Поясним этот момент подробнее.

Естественно, в простых вещах возможны и однозначные рекомендации. Наверняка опытный слесарь хорошо знает наиболее оптимальный способ монтирования сливного бачка унитаза. Но чем сложнее процесс, тем иллюзорней оптимум, тем туманней истина. Даже

естественнонаучные теории уже оперируют достаточно относительными моделями. Гуманитарная же сфера дело еще более темное. Описанное постепенное "разжижение конкретности" в действительности очень важный момент, указывающий порой человеку на его место в жизни. Ведь в то время как одни стремятся убежать от неоднозначности, предпочитая например, сферу технических наук, где возможна точность, другие наоборот, стараются глубже вникнуть, постичь неведомое. Первые сами себя лишают свободы - тот же мир техники есть мир зависимости, где нет места чудесам - какая свобода может быть у шатуна, приводимого в движение кривошипом? Вторые же напротив, постоянно расширяют собственные ареалы. Движение в сторону непонятого рано или поздно приводит к постижению многомерности, неисчислимости, плюралистичности мира, невыразимости его научно-техническими средствами, осознанию в конце концов, что богатство мироздания существенно превышает возможности человеческого разума. Поэтому степень свободы человека познающего все время увеличивается, перед ним предстает поливариантный мир.

Но не стоит печалиться за тех, перед кем он не предстает. Они же сами не хотят этого. Свобода хотя и считается одной из высших ценностей, в реальности нужна далеко не всякому. Зачастую под ней понимается что-то настолько грубо материальное, что возникают мысли о диссонансе между высоким названием и приземленном содержанием. Согласитесь, вопрос где крестьянину можно свободно пасти коров ни в коей мере не занимает ищущие, философствующие умы. Это забота сельсовета. Проблема свободы актуализируется только там, где в жизнь привносится духовное. И сама свобода открывается только тому, кто идет путем духовного восхождения. Остальные же не испытывают неудовольствия. Да, им не открывается, но они об этом не знают и в открытии не нуждаются. Имея мало свободы и малую потребность в свободе, они зато могут легко ее удовлетворить. Например, мать девятерых детей будет довольна жизнью имея возможность их прокормить. По сути, она отрабатывает биологическую, инстинктивную линию, в той же степени присущую и животным. Также кошка заботится о своих многочисленных котятках. Важны ли ей высоты духа? Спросите ее сами и она посмеется над вами - такой ерундой ей заниматься некогда. Как, впрочем, и кошке.

Так что свобода - удел немногих. Нет свободы у масс, у обывателей, и не будет. Сколько брать свободы - решаем мы сами. Хотя есть конечно и некоторые общие закономерности. Но они не фатальны. Процесс зарабатывания денег тоже регламентирован общими закономерностями, но количество денег, в основном, все же зависит от самого работника. Жаль только, что "величина" или степень свободы в течение нашей жизни уменьшается от ее начала к концу. Чем долее мы прошли от рождения к смертному одру, тем меньший выбор мы имеем. Если молодой человек выбирает из сотен дорог (кем быть - множество специальностей - технических, научных, гуманитарных; с кем быть - на ком жениться и т.п.), то по прошествии времени у того же молодого человека выбор далеко не столь широк. Выражаясь образно, акт выбора подобен входу в нору - когда туда влез, дальнейшее изменение направления регламентировано внутренним расположением ходов в норе. И, к сожалению, никак нельзя уподобившись лисице, ловко виляя задом, вылезти обратно. Например, выбрал некто стезю инженера - получил техническое образование (скорее всего, недополучив при этом духовно-культурных составляющих). Теперь его выбор ограничен уже в части трудоустройства - он находится в "норе" технической деятельности. Выбор конкретного места работы также отсекает варианты для последующих шагов - пошел работать в Министерство - утратил квалификацию конструктора - сузил свое потенциальное. И так далее. К пенсионному возрасту выбор совсем не велик - жизнь детерминирована своей историей. Но не будем о грустном. Отдельные рекорды в области физкультуры показывают, что возможности человека велики. Думаю, что возможны прорывы и в сфере духовного.

Что еще нужно сказать, чтобы подвести черту? Проблема свободы выбора, свободы воли сложна, многогранна. Она не имеет единого, однозначного решения, ее понимание зависит от

мировоззрения человека, его религиозной, философской, научной и практической ориентации. Применительно к прохождению индивидуального жизненного пути, мера глубины проблемы свободы определяется внутренним богатством постигающей личности, широтой и глубиной духовных ареалов. Ищущий обрящет свое, неповторимое, уникальное ее решение. Как правило, оно далеко от общезначимости. Но несомненно одно. Если находятся люди, которые преодолевая сальную суету будней, сохранили животрепещущий интерес к таким проблемам, которые стремятся, мыслят, открывают и переосмысливают, значит живет еще в них зерно свободы, частица нетленного Духа, позволяющая произнося слово "Человек!" гордо поднимать голову.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

- Батищев Г.С. Истина и ценности//Познание в социальном контексте. - М., ИФ РАН, 1994
- Бах Ричард. - К.: "София", Ltd., 1994. - 352 с.
- Великие мыслители о великих вопросах: Современная западная философия. /Пер. с англ. К. Савельева. - М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000. - 400 с.
- Виндельбанд В. О свободе воли. - М.: АСТ, 200. - 208 с.
- Ивин А.А. Логика: Учебник для гуманитарных факультетов. - М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000. - 320 с.
- Ильин В.В. Теория познания. Введение. Общие проблемы. - М.: Изд-во МГУ, 1993. - 168 с.
- Ильин В.В. Теория познания. Эпистемология. - М.: Изд-во МГУ, 1994. - 136 с.
- Ильин В.В. Философия: учебник для вузов. - М.: Академический Проект, 1999. - 386 с.
- Корнилова Т.В., Тихомиров О.К. Принятие интеллектуальных решений в диалоге с компьютером. М.: Изд-во МГУ, 1990. - 192 с.
- Перегожин Л.О. Иллюзия свободы воли и идентичность//Независимый психиатрический журнал №1, 1999
- Реале Д, Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Том 3. Новое время. С.-Петербург: ТОО ТК "Петроволис", 1996. - 736 с.
- Соколов Е.Н. Психофизиология принятия решений//Нормативные и дескриптивные модели принятия решений. М., 1981.
- Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М.: Прогресс, 1986.
- Философия: Учебник для высших учебных заведений. - Ростов н/Д.: "Феникс", 1995. - 576 с. 15.
- Философский энциклопедический словарь. - М.: ИНФРА-М, 1997. - 576 с.